

Энн Райс

Муфта,
Полуботинка
и Моховая Борода

Annotation

Повесть-сказка «Муфта, Полботинка и Моховая Борода» рассказывает о приключениях трех накситраллей, похожих на гномов. Вы быстро подружитесь с веселыми друзьями, которые благодаря своей находчивости выходят из всех затруднительных положений.

- [Эно Рауд.](#)
 - [Ужасный случай в лесу.](#)
 - [Ночной костёр.](#)
 - [Необыкновенные скачки.](#)
 - [Направление определяется.](#)
 - [Муфтины страдания.](#)
 - [Латы выдерживают испытание.](#)
 - [Открытие краеведов.](#)
 - [Полботинка в затруднении.](#)
 - [Моховая Борода начинает действовать.](#)
 - [Между небом и землёй.](#)
 - [Сердечная встреча.](#)
 - [Снова на земле.](#)
 - [Полботинка уходит.](#)
 - [Что случилось с Муфтой.](#)
 - [Радость и печаль.](#)
 - [Смерть стучится в окно.](#)
 - [Полботинка сбивается с пути.](#)
 - [Спасение.](#)
 - [Голос моря.](#)
-

**Эно Рауд.
Муфта, Полботинка и Моховая Борода.**

Ужасный случай в лесу.

Крохотный фургон Муфты во весь дух мчался по шоссе. Накситралли держали путь к морю. Они жаждали отдыха, мечтали о тихом шелесте морских волн и хотели хорошенько расслабиться, подышать живительным морским воздухом.

– «У моря, у синего моря...» – пытался Полботинка вспомнить когда-то слышанную песенку.

Однако ему пришлось резко оборвать свою песню, потому что собачонка Муфты – Воротник – подняла мордочку и принялась жалобно подвывать.

Сияло солнце. Несмотря на приближение осени, погода была совсем летняя. И вода в море, должно быть, тёплая...

Они въехали в лес. По этой дороге им ещё не приходилось ездить, и Муфта остановил машину, чтобы изучить карту.

– Шоссе здесь очень извилистое, – сообщил он немного погодя. – Лесом до моря в несколько раз ближе, однако...

– Лесом?! – перебивая Муфту, воскликнул Моховая Борода. – Мне бы очень хотелось поехать лесом!

– И я не имею ничего против такой поездки, – сказал Муфта. – Но, к сожалению, лесные дороги не обозначены на карте. Заехав в лес, мы окажемся как бы в мешке, и нам придётся пробираться вперёд, можно сказать, почти вслепую.

Но Полботинка решительно присоединился к Моховой Бороде.

– Короткая дорога всегда прямее длинной, – настаивал он. – К тому же вечно жить по карте совсем не обязательно! Муфта всё ещё колебался.

– Никогда не знаешь, куда эти лесные дороги тебя, в конце концов, выведут, – размышлял он.

Однако это замечание ничуть не поколебало уверенности Полботинка.

– Все дороги ведут к морю! – повысил он голос. – Разве ты не слышал такой пословицы?

Вместо ответа Муфта вновь погрузился в изучение карты.

– По другую сторону леса, справа, должно быть море, – сказал он, наконец. – Слева – большое болото. Все дороги ведут в болото, нет ли такой пословицы?

– Такой нет, – поспешно ответил Полботинка. Муфта улыбнулся и сложил карту.

– Ну, что ж, придётся ехать лесом, раз уж вы оба так считаете.

– Можно будет заскочить и на болото, – сказал Моховая Борода. – Вдруг посчастливится найти морошку. Морошка любит сырые места и растёт большей частью на болоте. Когда я был ещё маленький и чаще мылся в ванне, у меня в бороде время от времени вырастала морошка. Должен вам сказать, что морошка – самая вкусная ягода на свете!

– Здорово! – Полботинка даже слюнки проглотил. – Конечно, неплохо было бы набрать морошки.

Но Муфта решительно отклонил это предложение.

– На болоте машина может попасть в трясину, – сказал он. – Надо держать курс прямо на море, ведь наша цель – море, а никакая не морошка.

И на этот раз его голос прозвучал настолько твердо, что Моховая Борода и Полботинка больше ни словом не обмолвились о морошке.

Муфта дал газ. Некоторое время фургон ехал ещё по шоссе, а затем свернул в лес.

Моховая Борода открыл окна.

– Какой здесь воздух! – в восторге заявил он. – И какие лесные ароматы!

В глубине души он должен был признать, что лес вполне может заменить ему даже море. По его мнению, такая поездка лесом к берегу моря могла бы продолжаться сколько угодно!

Фургон, тихонько урча, углублялся всё дальше и дальше в лес. О лес, лес!.. Какая прелесть, и какой покой вокруг! Глядя в окна, друзья не замечали, как бежит время. День уже клонился к вечеру. Муфта вдруг заметил ручеёк, журчавший близ лесной дороги, и нажал на тормоз.

– Надо бы пополнить наши запасы воды, – сказал он.

Это была истинная правда. Покидая город, они совсем не подготовились к путешествию. Большой молочный бидон, где они хранили воду, стоял в углу фургона полупустой.

Муфта встал, отыскал ведро и вышел из машины. Моховая Борода и Полботинка последовали за ним, чтобы, используя остановку, немного

поразмяться на свежем воздухе. А Воротник?

Что случилось с Воротником? Собака жалась в дверях машины и жалобно скулила.

– Представьте себе, – сказал Моховая Борода, – она просто дрожит.

– Дрожит? – озабоченно спросил Муфта. – Уж не жар ли у неё?

Полботинка пощупал собачий нос.

– Нос холодный, – сказал он. – Только ноздри сильно дёргаются. Теперь и остальные заметили, что Воротник тревожно к чему-то принюхивается. Словно чует незнакомый запах.

– Что-то носится в воздухе, – сказал Моховая Борода. Муфта протянул руку и ободряюще погладил дрожащую собачонку.

– Не волнуйся, дружок, – ласково сказал он. – Вот принесу воды и тут же поедем дальше.

Собака почти перестала скулить, и Муфта отправился за водой. С ведром в руке он торопливо шагал к ручью.

Вот тут-то всё и началось.

Собака! Словно из-под земли перед Муфтой появилась огромная собака. Желтовато-серая. Хвост поджат. Уши торчком. Глаза злобно сверкают.

– Как волк, – бледнея, прошептал Полботинка. А Моховая Борода сказал:

– Волк и есть!

Так вот почему... Вот почему Воротник так перепугался... Собака почуяла приближение волка. Как же они сразу об этом не догадались!

– Пёсик, пёсик, – окликнул Муфта волка.

Всего разок он и успел окликнуть. Дальше события разворачивались стремительно.

Муфта вдруг оказался лежащим на земле. Ведро, дребезжа, покатилося в сторону. Волк вонзил клыки в Муфтину муфту. Мгновенно забросил Муфту, как мешок, себе на спину и исчез. Исчез в кустах у ручья.

Полботинка, совсем серый от волнения, выхватил из кармана рогатку, но целиться было уже не в кого. Моховая Борода не двигался с места: застыв как соляной столп, он невидящими глазами смотрел туда, где только что были волк и Муфта.

– Воротник! – вдруг закричал Полботинка. Воротник выскочил из машины. Неужели волк был уже так далеко, что его запах больше не пугал собаку?

– Ищет Муфту, – прошептал Моховая Борода. Пригнув морду к земле, Воротник метался по лесу. С того места, откуда Муфта направился к ручью, он побежал по его следу.

Полботинка и Моховая Борода напряжённо следили за собакой. И тут Воротник взвизгнул. Испуганно взвизгнул и остановился.

– Муфтины следы кончились, – сказал Полботинка.

– Вместо Муфтиных следов остались только волчьи, – сказал Моховая Борода.

Воротник взвизгнул ещё раз, но назад не пошёл.

– Он растерялся, – сказал Полботинка. Моховая Борода кивнул.

– Это внутренняя борьба, – сказал он. – Теперь всё зависит от того, что победит – любовь к Муфте или страх перед волком. Воротник тихо зарычал. Его шерсть поднялась дыбом.

– Набирается храбрости, – сказал Полботинка. И Воротник тут же двинулся вперёд. Он крался очень медленно, но всё-таки шёл по следу волка.

– А мы? – спросил Моховая Борода. – Что нам теперь делать? Ведь и им тоже надо было решиться, совсем так же, как Воротнику. Перед ними стоял точно такой же вопрос. Потому что и они боялись волка, и как ещё боялись! Но с другой стороны, разве Муфта не любимый их друг?

– Идём, – сказал Полботинка.

Решение было принято. Они устремились за Воротником. Сердца у них колотились, но они шли дальше.

На берегу ручья Воротник беспомощно остановился.

– Следы кончились, – сказал Моховая Борода.

– Похоже, что волк перешёл ручей, – предположил Полботинка. Воротник, казалось, пришёл к такому же выводу. Минута сомнения, затем прыжок в воду – и вот, быстро перебирая лапками, он уже плывёт к противоположному берегу. Но к несчастью, и там он не нашёл следов волка, и вскоре ему пришлось вернуться к Полботинку и Моховой Бороде.

След был потерян.

– Конец, – дрожащим голосом пробормотал. Полботинка. – Как ты полагаешь, Моховая Борода, есть ещё надежда?

Моховая Борода не решался строить предположения. Перед его мысленным взором ещё слишком ясно стоял волк. Белые волчьи клыки. Острые, очень острые белые клыки. Он видел, как волк вонзил свои клыки в Муфтину муфту... Есть ли ещё надежда? Нет, лучше об этом не думать.

Ночной костёр.

Солнце спускалось всё ниже и уже зацепилось краем за верхушки деревьев. Моховая Борода и Полботинка сидели рядышком под высокой елью.

– Уже смеркается, – сказал Полботинка. – Что нам делать?

– Надо во всём разобраться, – сказал Моховая Борода. Он уже слегка оправился от нервного потрясения. Способность размышлять понемногу возвращалась к нему, и теперь он начал припоминать всё, что когда-либо в жизни успел узнать о волках.

– Ох, милый Муфта, – вздохнул Полботинка. – Где-то ты сейчас, бедолага?

– Сейчас у волков в логове должны ещё быть волчата, – вспомнил Моховая Борода. – И, наверное, он утащил Муфту к себе в логово, раз ему удалось забросить его за спину.

– Логово-то, небось, далеко отсюда, – предположил Полботинка. – Недаром говорится, что волк возле логова не нападает.

Моховая Борода ничего не ответил. Он думал.

Прошло немного времени, и солнца уже не было видно. Начало темнеть. И вдруг:

«Ууух-ууух!»

Полботинка вскочил как ужаленный.

– Слышал? – прошептал он. – Волк воет.

И снова:

«Ууух-ууух!»

Зловещий вой звучал совсем близко. Неужели и вправду волк? Но тут в воздухе промелькнула безмолвная тень, и Моховая Борода сказал:

– Филин собирается на ночную охоту. Полботинка смутился. Он снова уселся рядом с Моховой Бородой и пробормотал:

– Нервы...

Тут он сообразил, что Воротник, наверно, не слышал зловещего воя, и совсем успокоился. Если бы волк оказался поблизости, то Воротник, безусловно, вёл бы себя иначе.

Моховая Борода снова погрузился в задумчивость.

– Это был голос филина, – сказал он. – Но и у волков есть привычка выть на закате. И по утрам тоже, когда солнце встаёт. Они воют близ логова. Воет старый волк, воют и волчата. Филин напомнил мне об этом.

– Но послушай! – оживился Полботинка.

– В таком случае, по вою можно определить, где находится логово.

– В том-то и дело, – кивнул Моховая Борода. – В такую тихую погоду, как сейчас, вой слышен за несколько километров. Волки хотя и умные звери, но месторасположение логова своим воем всё-таки выдают. Это у них, наверно, такая внутренняя потребность.

Они сидели и молчали. Но в этом был, по крайней мере, определённый смысл. Они прислушивались, ждали волчьего воя. Но чем ближе подступала ночь, тем мрачнее становились их мысли.

О, бедняга Муфта! Чувствуешь ли ты, что друзья неотступно думают о тебе? Можешь ли ты ещё вообще что-то чувствовать?

Вскоре совсем стемнело.

– Волчий вой отменяется, – подвёл краткий итог Полботинка. А Моховая Борода добавил:

– Теперь остаётся только ждать восхода солнца, тогда опять настанет время волчьего воя.

А тем временем решено было немного отдохнуть. Правда, они не очень надеялись на то, что тревога и волнения позволят им сомкнуть глаза, но всё же решили попытаться немножко вздремнуть. Ведь им было необходимо набраться сил: поди знай, какие испытания могут ожидать их в самое ближайшее время. Моховая Борода почти на ощупь стал собирать в тёмном лесу хворост.

– Надо развести костёр, – сказал он. – Живой огонь – лучшая защита от волков.

– Может, на этот раз переночуешь в машине? – предложил Полботинка. – Ведь Муфтина кровать свободна. Вместе-то лучше, что и говорить.

Но сон на свежем воздухе был для Моховой Бороды вопросом принципиальным.

– С тобой будет Воротник, – коротко заявил он. Полботинка подозвал собаку и забрался в машину, а Моховая Борода развёл костёр и улёгся у огня.

УУУ-УУУ! Конечно же, это снова филин мечется по лесу в поисках добычи.

Но, по-видимому, филин вскоре улетел куда-то далеко, потому что некоторое время спустя его голос перестал доноситься до друзей, и над их лагерем воцарилась тишина.

Тихая ночь и лесное безмолвие подействовали на Моховую Бороду как бальзам. Тревога за Муфту по-прежнему гнездилась в сердце, но теперь она не была такой острой и мучительной. Боль притупилась, глубокое напряжение понемногу ослабевало. Моховая Борода улёгся лицом вниз, чтобы искры не опалили бороду, и сам не заметил, как глаза у него закрылись и он стал мерно, тихонечко похрапывать.

А Полботинка тем временем беспокойно ворочался на своей постели. Ужас и смятение не оставляли его ни на минуту. Ему было душно. Сердце разрывалось от пережитых потрясений. Ему даже пальцами шевелить не хотелось, а это уж совсем плохой признак.

Лишь к полуночи Полботинка забылся тревожным, чутким сном, и то ненадолго.

Воротник! Воротник забился к Полботинку под одеяло! Он жалобно заскулил и несколько раз лизнул Полботинку в лицо.

– Ну-ну, – пробормотал Полботинка, просыпаясь. – Это ещё что за новости!

Воротник продолжал скулить и жаться к Полботинку, словно искал у него защиты. И вдруг Полботинка будто током ударило. Волк! Волк должен быть где-то поблизости! Ведь в прошлый раз Воротник скулил точно так же. Волк вернулся. Он явился за новой жертвой. И, конечно же, следующей жертвой станет не кто иной, как Моховая Борода, из-за дурацкого упрямства решивший провести эту в высшей степени опасную ночь под открытым небом.

Не долго думая Полботинка сбросил одеяло и приник к окну.

Ночь. Но костёр пылает, ярко освещая всё вокруг до самого ручья.

Слава богу, Моховая Борода на месте! Неподвижно лежит у костра и, видно, крепко спит.

И тут Полботинка заметил волка. От излучины ручья, где свет костра отражался в воде, вдруг донёсся плеск. Волк возник из ручья, как призрачный водяной дух о четырёх лапах.

Полботинка хотел закричать, хотел предупредить Моховую Бороду об опасности, но из этого ничего не вышло. У него было такое чувство, будто чьи-то невидимые руки безжалостно сдавили горло. Страх, отчаянный страх сделал своё дело, и из горла Полботинка вырвался лишь едва

слышный, беспомощный хрип.

Волк затрусил к костру. Ещё мгновение – и он остановился в нескольких шагах от костра. Ну конечно же! Разве Моховая Борода не сказал, что живой огонь – лучшая защита от волков! Волк боялся костра, он не решался приблизиться к огню. Что же будет дальше?

От того, что произошло дальше, Полботинка окончательно оторопел. Волк чуть-чуть расставил все четыре лапы. Постоял так минуту, и вдруг изо всех сил отряхнулся. С его мокрой шкуры во все стороны полетели брызги. Брызги попали в костёр. От костра донеслось лёгкое потрескивание, и пламя стало на глазах никнуть. А волк тем временем вернулся к ручью и снова окунулся. И опять подошёл к костру. И опять отряхнулся...

На этот раз брызги полетели ещё гуще, и пламя уменьшилось гораздо заметнее, чем в прошлый раз.

И тут Полботинка понял: волк гасит костёр!

Надо немедленно что-то предпринять!

Полботинка боялся, что, если волк ещё раз отряхнётся у костра, огонь совсем потухнет и перестанет служить защитой для Моховой Бороды. И тогда... Тогда волк оттащит Моховую Бороду подальше от костра и унесёт его точно так же, как Муфту...

Необходимо как можно скорее предупредить Моховую Бороду! Но как?

Полботинка опять попытался крикнуть. Напрасные усилия. Горло перехватило ещё сильнее, теперь из него не вылетало даже хрипа. Что, если, скрепя сердце, броситься к Моховой Бороде? Не тут-то было. Волк тем временем успел в третий раз окунуться в ручей. Вот он уже возвращается.

«Ну как это я до сих пор не научился водить машину, – в отчаянии подумал Полботинка. – Что бы мне тогда стоило завести мотор и помчаться на помощь Моховой Бороде».

Но в машинах Полботинка не смыслил. Он только и умел, что сигналить...

Ну конечно же! Сигнал! Дать сигнал – это-то он действительно умел!

И Полботинка прыгнул к рулю. Нажал на кнопку. Автомобильный гудок заревел, и это прозвучало в ночной тиши неожиданно резко. Волк вздрогнул и замер.

Моховая Борода тоже вздрогнул и проснулся. Затем сел и огляделся. Ему сразу всё стало ясно.

Моховая Борода вскочил, выхватил из костра пылающую головешку,

повертел ею над головой и бросил в волка. Только волка и видели.

Необыкновенные скачки.

Когда волк закинул Муфту себе на спину, Муфта и сам не сразу понял всей серьёзности своего положения. Муфте ещё никогда не приходилось близко соприкоснуться с волками, и поэтому сначала он принял волка за обыкновенную большую собаку. И поскольку до сих пор собаки всегда относились к Муфте более или менее дружелюбно, то ему не пришло в голову сколько-нибудь серьёзно опасаться волка. Он простодушно решил, что эта большая собака хочет с ним поиграть и для забавы немного покатать у себя на спине.

– Пёсик, пёсик! – то и дело повторял Муфта и похлопывал зверя по шее.

Волк помчался к ручью. Муфта ждал, что сейчас последует мощный прыжок через ручей, и обеими руками крепко вцепился в гриву своего «коня».

Но никакого прыжка не последовало. Вместо этого волк осторожно ступил в воду и стал пробираться по ручью.

Муфта немного заволновался, да и было отчего. Моховая Борода и Полботинка остались далеко позади, а дикий зверь упорно бежал по ручью всё дальше и дальше и, казалось, совсем не собирался повернуть назад.

– По крайней мере, собака не бешеная, – пытался Муфта успокоить себя. – Бешеная собака ни за что не войдёт в воду.

Но это было довольно слабое утешение.

Пробежав некоторое время по ручью, волк, наконец, выбрался на берег и помчался по лесу.

– Ну, это уж слишком, – решил Муфта. – Для разнообразия можно, конечно, прокатиться верхом, однако хорошенького понемножку. Во всяком случае, никуда не годится, если конь тащит всадника куда вздумается.

И ещё Муфта подумал, что пока он без труда мог бы найти дорогу

назад. Если он просто пойдёт вдоль ручья, то никак не заблудится. Но большая собака уносит его всё дальше в лес, видно, придётся теперь навек распрощаться с друзьями и коротать оставшиеся дни в печальном одиночестве.

– Нет и ещё раз нет! – решил Муфта. – Нельзя обрекать себя на одиночество! Я достаточно долго был одинок. Хватит с меня одиночества.

И он тут же выпустил из рук гриву волка и, как коричневый шар, скатился на мох.

Но эта попытка была обречена на провал. Волк мгновенно оказался возле Муфты и придержал его лапой, озадаченно глядя на свою жертву. Затем схватил Муфту в зубы и долго сердито тряс его, так что у Муфты все внутренности чуть было не перепутались. Затем волк снова забросил его к себе на спину.

Такое обращение глубоко оскорбило Муфту. Но делать было нечего – скачка продолжалась. Муфта понял, что о побеге и думать не приходится. Какое-то время он вообще ни о чём не думал, словно от тряски все мысли разбежались. Но понемногу он пришёл в себя и вновь принялся размышлять.

– Быть может, большая собака хочет утащить меня к себе домой, – предположил он. – Но разве там, в дремучем лесу, может быть человеческое жильё? Пожалуй, нет. Или всё-таки? Ответ, как говорится, знает только ветер...

Волк прибавил шагу. Вскоре он помчался так быстро, что ветер засвистел у Муфты в ушах. Но ветер так и не ответил ни на один Муфтин вопрос.

Вдруг волк остановился. Прислушался. Понюхал воздух. Что бы это значило? Муфта тоже пытался прислушаться и зорко вглядеться через голову волка в даль, но ничего особенного не заметил.

Что же заставило волка вдруг так насторожиться? Волк пробирался теперь вперёд очень осторожно. Он старательно обходил все сколько-нибудь открытые места, и всё время держался в тени кустов, но не задевал ни одной ветки. Не было слышно ни шелеста, ни шороха. Он шёл крадучись, словно скользил по лесу, и Муфте казалось, что он чувствует, как всё сильнее напрягаются мускулы зверя.

И тут послышались голоса. Это были мужские голоса! Человеческие голоса!

«Ну, теперь всё ясно, – с облегчением подумал Муфта. – Это, конечно, охотники, или лесорубы, или кто-нибудь в этом роде, и, конечно же, это их собака. Сейчас я окажусь среди людей, сейчас моя скачка кончится».

Волк пошёл прямо на голоса, но при этом замедлил шаги и стал ещё осторожнее.

«Ага, – усмехнулся Муфта, – собака понимает, что нашкодила, и боится попасться хозяину на глаза. Её мучает совесть. И должна мучить. Разве прилично собаке хватать среди бела дня зубами честного накситралля, забрасывать к себе на спину и тащить в дремучие леса!»

Наконец волк настолько приблизился к людям, что можно было ясно расслышать отдельные слова и фразы.

– Волчьи повадки основательно изучены, – донёсся до Муфты низкий мужской голос. – Но всё равно наблюдения могут дать немало нового и интересного.

– Несомненно, – ответил другой, более высокий голос. – Я просто горю желанием поближе заглянуть в мир волков. И если бы нам удалось открыть что-нибудь совсем новое, то я знал бы, что не напрасно прожил свою жизнь.

Теперь волка отделял от людей только редкий ореховый куст, и сквозь его ветви Муфта ясно различал говоривших.

Низкий голос принадлежал бородатому юноше, на нём была пёстрая кепка, обут он был в высокие сапоги, на шее висел бинокль. Второй мужчина был уже в годах, его лысина блестела на солнце, а огромные тёмные очки с выпуклыми стёклами придавали лицу какое-то особенное выражение. У обоих за спиной были рюкзаки. Муфта с интересом прислушался к их разговору и вскоре понял, что это краеведы, которые собирают сведения о волках. Удивительно, неужели в этом лесу и впрямь водятся волки?

– Особенно меня интересуют волчата, – говорил лысый. – Ведь сейчас у них очень любопытный возраст, они только вступают в самостоятельную жизнь.

– Вот именно, – кивнул бородатый. – И для того чтобы подготовить своих детёнышей к самостоятельной жизни, старый волк учит их нападать. Вот бы увидеть такой урок!

– Тогда нам действительно повезло бы, – задумчиво сказал лысый. – Не будем забывать, что волк – это воплощённое коварство. Он умеет следить за нами гораздо лучше, чем мы за ним. Кстати, я ничуть не удивлюсь, если в эту самую минуту какой-нибудь серый подслушивает из-за куста нашу беседу.

Бородатый засмеялся.

И в то же мгновение Муфта понял: конечно, здесь в лесу есть волки, здесь живет, по меньшей мере, один коварный волк, и именно тот, на котором он сам уже столько времени так замечательно скачет верхом! Ни одна собака не стала бы так избегать людей. Ни одна собака не стала бы так обращаться с накситраллем. Но силы небесные, чего же этому волку надо?!

Сейчас, разумеется, не время углубляться в этот вопрос. Потому что спасение было так близко. Спасение было рядом, по ту сторону куста. Там люди. Эти люди обязательно помогут ему, если только он сумеет обратиться к ним за помощью. И действовать надо быстро, потому что неизвестно, надолго ли волк здесь притаился.

Муфта уже не решался скатиться с волчьей спины, поскольку в прошлый раз эта попытка кончилась для него достаточно печально. Но что же делать? Надо дать людям знать о себе, но так, чтобы волк в следующее же мгновение не умчался вместе с ним прочь.

Муфта взглянул вверх. Ветки. Ветки орехового куста. Одна подходящая ветка прямо над его головой. Тут уж не до раздумий!

Муфта быстро протянул руки и ухватился за ветку. Повис и закачался взад-вперёд.

– Люди! – закричал он что было мочи. – Люди! Помогите! А теперь вперёд! Вперёд и вверх! Вверх до самой верхушки! Но и этому плану не суждено исполниться. Муфта не поднялся и на несколько дюймов, как был с силой сорван с ветки.

– Люди! – крикнул он ещё раз.

Через мгновение люди были уже далеко позади. Держа в зубах беспомощно барахтавшегося Муфту, волк мчался своей дорогой.

– Ты слышал? – спросил лысый, удивлённо глядя на бородатого.

– Вроде бы слышал, – кивнул бородатый. Они обошли вокруг

орехового куста, но не обнаружили ничего подозрительного.

Направление определяется.

Когда волк убежал, Полботинка решился вылезти из фургона и со всех ног бросился к Моховой Бороде. Мужественное поведение друга заставило его почти позабыть страх, и он заговорил более или менее осмысленно.

– Здорово! – воскликнул он восхищённо. – Просто фантастика, как тебе удалось заставить этого дикаря улепётывать во все лопатки. И это с помощью обыкновенной головешки.

– Я же тебе говорил, что против волков нет лучшего средства, чем огонь, – усмехнулся Моховая Борода.

– И правильно говорил! – сиял Полботинка. – Огонь и в самом деле могучая штука.

Он придвинулся к костру. У него уже не было особого желания возвращаться в машину, ему вдруг почему-то стал ужасно нравиться огонь. Моховая Борода подбросил в костёр хворосту и уселся рядом с Полботинком. Ни у того, ни у другого сна не было ни в одном глазу. Хоть волку на этот раз и не удалось причинить накситраллям серьёзных неприятностей, сон всё же он прогнал.

– Муфте тоже не помешало бы сейчас развести противоволчий костерок, – рассуждал Полботинка. – Только у него, кажется, нет в кармане спичек. А чтобы добыть огонь трением двух сухих палочек, наш Муфта слишком уж цивилизованный.

– Твоя правда, – вздохнул Моховая Борода. – Годами жить в машине – это не проходит бесследно.

– Что и говорить, – добавил Полботинка. – От такой жизни станешь совсем цивилизованным. А тот, кто привык к цивилизации, вряд ли сумеет освоиться среди волков.

И разговор снова завертелся вокруг Муфты. Ох, милый Муфта! Ох, дорогой друг! Даже если ты всё ещё в волчьем плену, сможешь ли ты выдержать и дальше среди этих диких зверей? Вынесешь ли ты их суровую

жизнь, ты, привыкший к удобствам? Сможешь ли перенести волчью грубость ты, всегда чуждавшийся любого насилия?

– Не надо забывать, что Муфта поэт, – сказал Моховая Борода. – А ведь именно сердцу поэта насилие наносит самые глубокие раны. У поэтов такие ранимые души.

– Как, впрочем, и у художников, – уточнил Полботинка.

– В юности Муфта мечтал стать художником. Он хотел рисовать зверей, не так ли? Он хотел увековечить их на холсте. Просто страшно подумать, как звери отплатили ему теперь за его благородные намерения.

Услышав эти слова, Моховая Борода нахмурил брови.

– Зверей винить нельзя, – сказал он. – Это значило бы обвинять природу. Звери никогда не бывают несправедливы, они просто такие, какие есть.

– Ну да, – пробормотал Полботинка. – По существу, я обвиняю только одного волка.

Но Моховая Борода сказал:

– И его не следует обвинять. Волк поступает так, как ему велит природа, он не умеет, подобно нам, различать добро и зло.

В глубине души Полботинка был не совсем согласен с Моховой Бородой, однако спорить не стал. Он ведь прекрасно знал, как Моховая Борода относится к животным. Хорошо ещё, что он пока не додумался приручать волков.

Но следующие слова Моховой Бороды были Полботинку уже гораздо более по душе.

– Мы не должны в чём-либо упрекать волков, – сказал Моховая Борода. – Но это вовсе не значит, что мы вправе оставить Муфту у них в плену. Одно дело – понимание и другое дело – действительная жизнь. Я прекрасно понимаю волка как дикого зверя, однако ради Муфты я всё-таки могу вступить с ним в борьбу.

– Вот-вот, – кивнул Полботинка. – По правде говоря, я волков не понимаю, и я готов с ними бороться.

Как именно будет выглядеть борьба с волками, об этом ни один из них не имел ясного представления. У костра, конечно, всё просто: хватай головешку и швыряй. Но ведь костёр за собой не потащишь. А если волк появится на горизонте, тут уж будет не до разведения костров, тут придётся придумать что-то другое.

Они сидели и молчали. Смотрели в огонь. Думали свои думы.

– Светает, – сказал, наконец, Полботинка. Ночь постепенно светлела. То тут, то там стали раздаваться птичьи голоса. Приближалось утро.

– Начинается новый день, – сказал Моховая Борода. – Ох, если бы мы могли знать, что он нам принесёт?

Взошло солнце.

И вдруг откуда-то издалека донёсся тоскливый вой. Это не был голос филина. Это было что-то совсем другое.

– Волки! – тихо сказал Моховая Борода.

Полботинка мгновенно вскочил. С быстротой молнии он в несколько прыжков оказался у ближайшего дерева и торопливо полез вверх по стволу.

– Куда ты? – окликнул его Моховая Борода.

Полботинка не ответил, он был слишком занят. Тем временем едва слышный вой повторился.

Моховая Борода напряжённо вслушивался. Конечно, волки. Пожалуй, даже волчата. Именно у волчат бывают такие взвизгивающие голоса. Значит, где-то там волчье логово! Направление приблизительно известно. Как бы запомнить это направление? Можно было бы шагать на голос, но ведь волчата не будут выть целый день. В лесу очень легко потерять направление, лес – большой обманщик.

Не успел Моховая Борода додумать, как Полботинка крикнул сверху:

– Ясно! Вой доносится от ели-великана!

Только тут Моховая Борода понял, зачем Полботинка взобрался на дерево. Вовсе не из страха перед волками, как можно было предположить. Полботинка решил найти какую-нибудь особую примету, ориентир, и теперь у него такой знак был – огромная ёлка. О, только бы им от этого знака была хоть какая-то польза, только бы волчий вой помог хоть немного приблизиться к Муфте.

После того как Полботинка слез с дерева, волчий вой ещё разок-другой донёсся до них и смолк.

– Ты просто великолепен, – признательно заявил Моховая Борода. – Благодаря тебе мы определили направление.

Он встал, принёс из ручья ведро воды и погасил костёр. Полботинка открыл дверцу фургона.

– Ко мне, Воротничок! – позвал он собаку. – Пошли искать Муфту! Воротник радостно выпрыгнул из машины и хотел, не теряя времени, отправиться в путь, но Полботинка вдруг задумался. Его взгляд остановился на полупустом бидоне, где они обычно хранили воду.

– Еду и питьё мы, пожалуй, с собой не потащим? – вопросительно взглянул Полботинка на Моховую Бороду.

– Конечно, нет, – сказал Моховая Борода. – Лес нас накормит и напоит не хуже большой продуктовой сумки. Жажду утолим из ручья или из

родника, а лес накормит своими дарами. В самом крайнем случае кое-что найдётся и в моей бороде.

Велико же было удивление Моховой Бороды, когда Полботинка вытащил из машины бидон и вылил из него воду. Потом он снова забрался в машину, порылся немного в Муфтином ящике для инструментов и вскоре появился с толстым сверлом.

– Мне вспомнился старый охотничий рассказ, – начал Полботинка. – Я слышал его в детстве. Один охотник, нацепив на себя старинные железные латы, проник в огромную волчью стаю и один убил пару дюжин волков. Серые, правда, злились, пытались его загрызть, но железо им было не по зубам.

– Ну и что же? – спросил Моховая Борода, на которого рассказ Муфты, казалось, не произвёл никакого впечатления. – Какое отношение это имеет к нам?

А Полботинка уже вертел сверло.

– По-моему, из этого бидона получатся знатные латы, – пояснил он. – Надо только просверлить в дне две дырки для ног, а по бокам две дырки для рук. В таких железных латах я буду полностью защищён от волков, особенно если ещё и крышкой накроюсь.

Моховая Борода просто онемел от удивления. Сверление между тем шло очень быстро, и вскоре Полботинка смог уже забраться в бидон. Он просунул ноги и руки в дырки, верхняя, сужающаяся часть бидона очень ловко сидела на плечах, а голова высывалась наружу.

– Ты совсем как черепаха! – засмеялся Моховая Борода. Полботинка кивнул.

– Совершенно верно, – сказал он. – И к тому же я совсем по-черепаши могу втягивать под панцирь ноги, руки и голову. Пусть только волк попробует меня одолеть.

Вдоволь налюбоваться латами они не успели. Направление было им известно, и Полботинка, конечно, очень надеялся на своё изобретение. Только вот машину нельзя было просто так бросить на лесной дороге. Поэтому перед уходом они затолкнули фургон в кусты и прикрыли ветками.

Муфтины страдания.

Когда волк с Муфтой в зубах добрался до своего логова, навстречу ему с радостным тьяканьем выскочили волчата. Едва он успел бросить Муфту перед волчатами на землю, как началась ужасная возня. Визжа от восторга, волчата набросились на Муфту. Они наперебой катали его вокруг логова, тербели и трепали так, что от Муфтиной муфты только клочья летели. Иногда они отпускали его и позволяли встать на ноги. Но лишь для того, чтобы с разбегу вновь повалить и начать свою дикую игру сначала.

Если бы не Муфтина муфта, то ему и впрямь очень скоро пришлось бы расстаться с жизнью. К счастью, толстая муфта надёжно защищала его, и зубы волчат не могли прокусить её насквозь. Но всё равно положение было хуже не придумаешь. От непрерывной тряски Муфту стало мутить, он совсем ослабел и временами даже терял сознание.

Старый волк наблюдал за этой вознёй, затем решительно отогнал волчат от Муфты. Какое облегчение! Муфта сел и с благодарностью посмотрел на волка. Но посидеть ему удалось совсем недолго. Волк тут же подскочил к нему и мордой оттолкнул его от логова. Муфта оторопел. Неужели волк даёт ему понять, что пора удирать? Неужели этот дикий зверь отпускает его на свободу? Волк снова подтолкнул его, словно бы недовольный, что Муфта мешкает и не повинуется. И тогда Муфта пошёл, сначала медленно, неуверенно, потом всё быстрее и быстрее.

«Ну вот, — подумал он. — Похоже, мои муки кончились. Только бы хватило сил, только бы не упасть тут, посреди леса. Прежде всего надо отыскать ручей, немного освежиться — и в путь вдоль берега».

Размышляя таким образом, Муфта и сам не заметил, как пустился бежать рысцой. Ведь его ждут друзья! Ждут и тревожатся!

Но судьба была к Муфте не так милостива, как он по простоте душевной надеялся. Только он взобрался на маленький лесной холмик и оглянулся, сразу стало ясно, что происходит в действительности. Спасенья

нет! Как раз наоборот...

Картина, которую он увидел, была в самом деле ужасна. Волки шли за ним следом – и старый волк, и волчата. Они продолжали свою жестокую игру. Да и было ли это теперь просто игрой? Муфта вспомнил разговор краеведов, случайно подслушанный им из-за куста. Они говорили, что волк учит своих детёнышей нападать. Может быть, сейчас они как раз и замышляют что-нибудь в этом роде? Может быть, именно теперь и начнётся та игра, которую исследователи мечтали увидеть?

Следующие минуты показали, что он не ошибся. Под предводительством старого волка волчата, приближаясь, образовали полукруг, а потом один из них забежал вперёд и отрезал Муфте путь к бегству. Муфта, хотя и был смертельно испуган, всё-таки успел заметить, что звери продвигаются вперёд очень быстро. Неслышно и продуманно. Это, пожалуй, было бы очень интересно увидеть исследователям! Но сейчас единственным свидетелем этого своеобразного урока был Муфта, причём не столько свидетелем, сколько жертвой, он был тем, на кого готовилось нападение!

Муфта не лелеял больше никаких надежд.

«Конец мой близок, – мысленно произнёс он. – Нить моей жизни оборвётся в волчьих зубах. Но как бы то ни было, я хочу умереть достойно».

Какая же смерть будет достойной?

«Я поэт, – думал Муфта. – И пожалуй, правильнее всего покинуть этот мир, слагая стихи. Что из того, что мои последние стихи услышат только деревья. Я и не жажду вечной славы. Но я буду сочинять стихи перед смертью, и это – достойная смерть».

Он остановился. Выпрямился. И начал читать торжественным голосом:

Волчья стая за мной крадётся.

Волки повсюду кругом.

В лесу мне погибнуть придётся.

Заснуть здесь послушным сном.

Сочинить он дальше не успел. Все четыре волчонка бросились на него бешеной лавиной и сбили с ног. Его теребили и подбрасывали изо всех сил. Несколько раз волчьи зубы больно впивались в него, прокусывая муфту. Неужели конец?

Нет. Пока ещё нет.

Вновь подошёл старый волк и отогнал волчат от Муфты. И опять он подтолкнул Муфту мордой, но на этот раз назад, к логову.

Да что же это в конце концов такое?

И вдруг Муфта понял: волчата учатся на нём нападению, но только до тех пор, пока у него душа в теле. Он для них просто учебное пособие, которое можно как следует использовать, лишь пока оно двигается. Потому-то его ещё и не прикончили.

Старый волк снова подтолкнул Муфту мордой, и ему пришлось теперь плестись назад, к логову.

В глубине души Муфта ликовал. Он жив! И если повезёт, он ещё некоторое время поживёт на свете. Быть может, даже до вечера. И если хватит сил, то за это время он сочинит ещё много стихов!

Спустя некоторое время всё повторилось. Когда Муфта добрался до логова, его опять заставили идти, а волчата опять стали красться за ним. И на этот раз волчата сперва окружили его, а потом здорово потрепали. Но теперь Муфта перенёс это куда легче, чем в прошлый раз. Он жив, и у него была надежда остаться в живых! Эта надежда придавала ему сил, и он мужественно переносил укусы острых волчьих клыков.

Вскоре старый волк решил прервать урок. Он оставил Муфту волчатам, а сам побрёл в лес. Муфта сначала даже заволновался, потому что именно старый волк по-своему поддерживал здесь порядок и время от времени отгонял волчат от их жертвы. Однако вскоре выяснилось, что для особого волнения причин не было. Волчата, правда, ещё немного потрепали его, но потом им это надоело, и Муфту оставили в покое.

Самое время попытаться бежать, но мучения настолько изнурили Муфту, что эта мысль не пришла ему в голову. Он упал близ волчьего логова на землю и остался лежать там в каком-то странном забытии.

Спустя некоторое время старый волк вернулся к логову, таща в зубах задранного ягнёнка, и волчата с рычанием стали рвать друг у друга добычу. Отчаянная драка продолжалась до тех пор, пока волчата не наелись досыта и понемногу успокоились.

Наступил вечер. Опустилась ночь. Старый волк опять покинул логово. Муфта по-прежнему лежал неподвижно и, кажется, даже задремал немножко. К восходу солнца он проснулся уже совсем бодрым. До него донеслись странные звуки. Выли волчата. Задрав морды к небу, они выли хором, грустно и жалобно.

Услышав этот вой, Муфта вдруг ужасно расчувствовался, у него даже слезы навернулись на глаза.

«Ох я, горемыка! – грустно размышлял он. – Никогда я не любил одиночества. Но разве лучше жить с дикими волчатами? Ничуть не лучше! По сравнению с этой компанией, одиночество было для меня раем! Не могу я выть по-волчьи!»

На самом деле он был совсем недалёк от того, чтобы завывать от тоски. Не в силах удержать слезы, он громко всхлипывал. Он чувствовал себя ужасно несчастным. Таким несчастным он никогда раньше не был.

Старый волк вернулся из ночного набега. Детёныши бросились ему навстречу, но на этот раз он им ничего не принёс: волчатам надо было самим научиться нападать, и старый волк сразу приступил к делу, заставив Муфту подняться на ноги.

«Надеюсь всё-таки, что волк не будет слишком торопиться завершить занятия, – подумал Муфта, когда по указанию волка ему пришлось снова удаляться от логова. – Повторение – мать учения. Прежде чем окончательно добить меня, им следовало бы поосновательней усвоить пройденное».

Он шёл, а волчата крадучись следовали за ним.

Латы выдерживают испытание.

Полботинка и Моховая Борода пробирались лесом всё дальше и дальше. Они шли почти весь день, но не чувствовали усталости. Они не испытывали ни жажды, ни голода. Они шли и шли. Тревога за судьбу Муфты гнала их вперёд.

В дремучем лесу нелегко придерживаться правильного направления. Но им помогала высокая ель. Полботинка уже не раз вылезал из бидона и взбирался на деревья, чтобы уточнить местонахождение высокой ели. Ведь именно с той стороны слышали они волчий вой, туда и надо было идти. От направления к высокой ели нельзя было отклоняться ни в коем случае.

Они шли и шли.

— Эти жестяные латы тебе, наверное, очень мешают, — завёл разговор Моховая Борода.

Полботинка махнул рукой.

— В плечах вроде бы маленько жмёт, — сказал он. — Ещё не совсем обносил. Ничего, со временем это пройдёт.

— Разумеется, — согласился Моховая Борода. — Ко всякой новой вещи надо сперва привыкнуть.

Немного погодя Полботинка сказал:

— Что-то уж слишком жмёт. Он вылез из бидона и потянулся.

— Слажу-ка я ещё разок на дерево, — заявил он. — Надо поглядеть, не потеряли ли мы направление. К тому же лазить по деревьям куда приятней, чем носить жестяные латы.

Моховая Борода не возражал. Рядом росло подходящее дерево. Полботинка забрался на нижние сучья и быстро полез наверх.

А Моховая Борода, почувствовав усталость, сел под дерево отдохнуть. И Воротник, казалось, тоже решил перевести дух. Он подбежал к Моховой Бороде, улёгся рядом и положил голову к нему на колени.

– Что с тобой, дружок, – удивился Моховая Борода, поглаживая собаку. – Ты опять дрожишь?

Так оно и было. Воротник дрожал всем телом, правда, не очень сильно, но не переставая. Отчего бы это? А вдруг и в самом деле... Моховая Борода не успел хорошенько всё это обдумать, как с дерева донёлся крик Полботинка:

– Всё пропало! Большая ёлка исчезла! Моховая Борода испуганно вскочил.

– Не может быть! – закричал он в ответ, но таким хриплым голосом, что Полботинка его не услышал.

Моховая Борода почувствовал, что дрожит совершенно так же, как Воротник. Уж не заболела ли собака?

– Ёль исчезла! – повторил Полботинка и стал спускаться с дерева.

Спрыгнув на землю, он быстро напаялил на себя бидон и сказал:

– Привыкнуть можно к чему угодно. Сейчас уже почти не жмёт. А Моховая Борода думал только о ели.

– Как может исчезнуть ёлка? – растерянно бормотал он.

– Может, её тем временем спилили? – предположил Полботинка. Это предположение казалось единственно разумным. Но как теперь искать дорогу?

– Ты во все стороны посмотрел? – спросил Моховая Борода.

– Во все, – подтвердил Полботинка. Воцарилось гнетущее молчание. Только Воротник тихонько поскуливал.

– Я смотрел во всех направлениях, – сказал Полботинка. – Оттуда, сверху, хорошо видно. Это очень высокое дерево, а я залез почти на самую верхушку. Большой ели не видно нигде.

Снова наступила тишина. И вдруг Полботинка и Моховая Борода заметили, что Воротник тревожно принюхивается. Опустив мордочку к земле, он носился по опушке то взад-вперёд, то кругами.

– Как будто что-то ищет, – сказал Полботинка.

– И похоже, уже нашёл, – отозвался Моховая Борода. Воротник и впрямь держал в зубах что-то коричневатое. Издали было никак не разобрать, что это такое.

– Воротник, ко мне! – крикнул Полботинка.

Воротник послушно подбежал и осторожно опустил свою находку на землю, как-то грустно посмотрев на Полботинка и Моховую Бороду.

– Бог ты мой! – воскликнул Полботинка.

– Да это же... это... – заикаясь, произнёс Моховая Борода, – это же, образно говоря, частица нашего друга.

Друзья были потрясены – Воротник нашёл клоч Муфтиной муфты.

– О, бедный друг! – запричитал Полботинка. – Неужели это всё, что от тебя осталось?

– Никогда не стоит предполагать самое ужасное, – сказал Моховая Борода.

Он сунул клочок муфты в карман и добавил:

– Может, доведётся ещё пришить на место.

Воротник по-прежнему волновался. Найденный клоч муфты раззадорил его, и было ясно, что он рвётся продолжать поиски. В то же время он явно чего-то боялся и сильно дрожал.

– Странно, – размышлял Полботинка. – Высокой ёлки нет, хотя мы всё время держались правильного направления.

Тут по лицу Моховой Бороды расплылась широкая улыбка.

– Слушай, – воскликнул он. – Так ведь это и есть то самое дерево. Ты залез на ту самую ёлку. Она достаточно высока, если я не ошибаюсь.

Оба разом посмотрели на верхушку ели. Она заметно возвышалась над другими деревьями. Ну конечно! Та самая ель. Загадка была разгадана. Таинственно исчезнувшая ель нашлась.

Был найден клочок Муфтиной муфты. Волчий вой также доносился отсюда.

И Воротник разволновался. Безусловно, из всего этого вместе не так уж трудно было сделать соответствующие выводы.

– Мы у цели, – сказал Моховая Борода.

Они оба понимали, что наступил решающий момент.

– Я пошёл, – заявил Полботинка.

– Куда? – спросил Моховая Борода.

– Уж Воротник выведет на верный след, – сказал Полботинка. – А ты подожди здесь, у тебя ведь нет жестяных лат, чтобы защищаться от волчьих зубов.

Моховая Борода колебался. Сердце приказывало ему идти с Полботинком, а разум советовал остаться. В конце концов победил разум. Правильнее будет им с Полботинком не бросаться в полную неизвестность вдвоём. Пусть Полботинка немного разведает обстановку. Надо надеяться, жестяные латы сослужат ему добрую службу. А если он всё-таки попадёт в беду, то будет далеко ещё не всё потеряно, потому что тогда начнёт действовать он, Моховая Борода. Пока же он решил сам забраться на высокую ель и попытаться не потерять Полботинка из виду.

– Воротник! – сказал Полботинка. – Ищи Муфту!

Услышав имя своего хозяина, собака, и без того взбудораженная

найденным колом муфты, ещё больше заволновалась. И они пустились в путь. Воротник, нюхая землю, бежал впереди. Полботинка в нескольких шагах следом. Нос Воротника беспрерывно втягивал воздух, глаза напряжённо оглядывали каждый куст, не упуская из виду ни одной мелочи.

– Ищи Муфту, Воротничок! – повторял Полботинка. Оба были одинаково взволнованы и одинаково насторожены. Не забывать об опасности! Оба понимали, что нельзя допустить никаких неожиданностей.

– Спокойно, Воротничок! – время от времени успокаивал Полботинка собаку. – Не спеши!

Воротник и не спешил. Знакомый запах Муфты заставлял его в самом деле всё быстрее рваться вперёд, но на земле были и другие запахи, и они противодействовали излишней спешке. Это были запахи волков, тревожные и резкие. Они сдерживали Воротника, заставляли держаться поближе к Полботинке. Но шерсть на холке Воротника от этих запахов вставала дыбом.

Они подошли к маленькой лесной полянке. Полботинка предпочёл бы обойти её, держась поближе к кустарнику, но Воротник направился прямо через полянку, и Полботинка не стал его удерживать. Ведь Воротник шёл по следам Муфты. Следы эти нельзя было терять, это Полботинка прекрасно понимал и поэтому пошёл за Воротником.

Вдруг Воротник тьякнул. Не от страха. Это было что-то другое. В следующий миг он, оставив Полботинку, бросился прямо вперёд и, не замечая волчьего запаха, как сумасшедший, ураганом помчался через полянку.

– Назад, Воротник! – испуганно закричал Полботинка. А с другой стороны поляны эхом отозвалось:

– Назад, Полботинка!

Полботинка остановился как вкопанный. Что бы это значило? Ведь он же звал собаку, звал Воротника. А в ответ выкрикнули его имя. Так что это было не эхо. Но что же?

– Назад, Полботинка! – донеслось снова.

И Полботинка вздрогнул от радости. Этот голос, ужасно знакомый голос... Этот голос невозможно спутать ни с каким другим голосом на свете.

И тут же на лесной полянке появилась знакомая фигура, ужасно знакомая фигура, которую с кем-нибудь спутать было тоже невозможно.

Муфта! Самый настоящий Муфта! Правда, ободранный, но всё-таки живой! Вот он. Бежит к Полботинке. Воротник путается у него под ногами, просто обезумев от радости, и старается во что бы то ни стало лизнуть его

в лицо.

– Беги! – крикнул Муфта Полботинку. – Сейчас здесь будут волки!

Полботинка не тронулся с места. Не за тем он сюда пришёл, чтобы перед лицом опасности тут же пуститься наутёк. К тому же для побега не осталось и времени – крадущиеся волчата были тут как тут.

Муфта подбежал к Полботинку и остановился.

– Что же ты ждёшь! – прохрипел он. – Волки могут наброситься в любую минуту.

– А ты? – спросил Полботинка.

– Мне некуда деваться, – сказал Муфта. И он торопливо рассказал Полботинку о волчьих уроках нападения и о том, какую роль он играл в этой необычной школе.

– Я останусь с тобой, – сказал Полботинка. – Жестяные латы защитят меня.

Волчата приближались. Они уже выстроились полукругом.

– Сейчас отрежут пути к отступлению, – сказал Муфта. Уж он-то знал, какие у волчат намерения. Как Муфта и рассчитывал, они повторяли пройденное, и поэтому было нетрудно предугадать их планы. Скоро должна была последовать атака. Как Муфта, так и Полботинка были готовы встретить эту атаку. Ведь Муфта был ничем иным, как учебным пособием, которое волчата должны были пока сохранить. Полботинка, в свою очередь, возлагал все надежды на жестяные латы. А Воротник?

– Воротничок, уходи! – сказал Муфта. – Быстро! Собака растерялась. Ведь она только что нашла своего любимого хозяина, и вот её уже прогоняют. Как же так? Она хотела остаться возле Муфты, невзирая на

страх перед волками. Чтобы Муфта это понял, она крепко к нему прижалась и просительно завиляла хвостом.

Муфту растрогало поведение собаки, но делать было нечего. Воротник должен уйти, и как можно скорее. Каждую минуту бедный пёс мог стать добычей волков.

– А ну, пошёл! – закричал Муфта сердитым голосом и схватил с земли хворостину. – Немедленно!

Этого было достаточно. Воротник повиновался. Он только удивлённо взглянул на Муфту печальными глазами и побежал прочь.

Едва успел. Старый волк вышел из кустов и возглавил нападение.

– Начинается, – вздохнул Муфта.

Полботинка быстро присел, чтобы бидон доходил до земли. Таким образом ноги были защищены. Затем он втянул в бидон руки. Потом голову. А потом закрыл бидон крышкой. Накрепко. И тут появились волчата! В одно мгновение бидон был опрокинут.

Полботинка едва успел скорчиться, как волчата принялись барабанить по бидону. Они пытались просунуть морды в дырки, сделанные для рук и ног, но напрасно.

Полботинка был защищён.

Жестяные латы с честью выдержали первое испытание.

И вдруг бидон покатился.

– Паршивые щенята! – бормотал Полботинка. – Куда они меня, черти, катят?

В ответ раздалось только урчание волчат. Бидон катился всё быстрее и быстрее по камням и пням, а волчата знай себе подталкивали его. У Полботинка закружилась голова, в глазах помутилось. Жесть оглушительно грохотала. Это было кошмарное путешествие.

Вскоре Полботинка совершенно обалдел. Он был не в состоянии даже думать. И наконец потерял сознание.

Открытие краеведов.

Муфта успел ещё заметить, как укатили с поляны бидон с Полботинком, но тут старый волк схватил его зубами и потащил к своему логову. Волчата снова собрались вокруг логова и приготовились повторить урок преследования.

Мысли лихорадочно крутились в Муфтиной голове. «Полботинка? Полботинка явился сюда. Но где же Моховая Борода? Не знаю. Что они думали? Не знаю. С Полботинком едва успел перекинуться несколькими словами, волки не дали договорить. Что же теперь будет? Понятия не имею. Надо снова увидеть Полботинка, – решил Муфта. – Как можно скорее. Но чего же этот старый волк ждёт, почему не заставляет идти? Пора бы подать сигнал к началу урока».

Без этого сигнала Муфта не решался удаляться от логова. Однажды он попытался это сделать, но получил основательную трёпку, более жестокую, чем обычно.

Муфта вопросительно посмотрел на старого волка. Что он медлит? Дал бы уже знак! Но волк не обращал на Муфту никакого внимания, и занятия были прерваны.

Была ли причиной неожиданная встреча с Полботинком или что-нибудь другое, но волк был явно встревожен. Он то и дело поворачивал голову в разные стороны. Втягивал ноздрями воздух. Прислушивался. И вдруг бросился прочь от логова.

Сердце Муфты тревожно забилось. Он не знал, что и думать. Быть может, волк просто почуял добычу, но ведь вполне возможно, что где-то поблизости бродит Полботинка. Или Моховая Борода. Или Воротник. Или даже все трое...

Беспокойство старого волка передалось и волчатам. Однако от логова они не отходили. Наоборот: они улеглись на землю и тесно прижались друг

к другу. Может быть, они чего-то боятся? Но чего им бояться? Опять вопросы, на которые Муфта не мог ответить.

А может быть, сейчас самый подходящий момент для побега? Будто случайно, Муфта сделал несколько шагов от логова. Но волчата, все четверо, тут же вскочили, и их сдержанное, но тем более угрожающее рычание заставило Муфту поскорее вернуться назад.

Мысль о побеге пришлось оставить. И вдобавок – куда он, в сущности, мог бежать? Полботинку и Моховой Бороде его, безусловно, легче найти, чем ему их. Ведь Полботинка уже напал на его след, а сам он в лесу мог запросто разминуться со своими спасителями. Разумнее будет оставаться на месте, бегство может сейчас только усложнить положение.

Но что же всё-таки делать? Муфта напряжённо думал. Просто ждать? Или попробовать каким-нибудь образом дать о себе знать? Муфта решил, что это неплохая мысль. Если его ищут, то любой сигнал может оказаться для них полезным. И вдруг он вспомнил утреннее завывание щенков. Сумеет ли он подражать их вою? Надо попробовать, потому что лучшего сигнала и не придумаешь. Если он просто позовёт на помощь, то старый волк, наверное, тут же вернётся. И поди знай, что волчата сделают, если он станет кричать. А вой – это совсем другое дело.

Муфта набрал полные лёгкие воздуха. А теперь...

Жалобный вой расколол тишину. Волчата вздрогнули. Подняли морды к небу. У Муфты вой получился настолько правдоподобным, что заразил и волчат. Вскоре они начали выть хором, протяжно и тоскливо. А волчий вой заразил в свою очередь Муфту, заставив горестно сжаться его сердце, и ему тоже захотелось задрать нос к небу. Это было просто удивительно. Они все вдруг объединились, как одна семья, – дикие зверята и Муфта. Они выли, забыв обо всём на свете. Они не слышали ничего вокруг.

Солнце стало клониться к закату. А Муфта и волчата всё выли и выли. Муфта уже позабыл, что этот вой должен был стать сигналом для его друзей. Он выл теперь о чём-то далёком и утраченном, хотя и не смог бы объяснить, о чём же именно. Он больше ни о чём не думал. Он просто выл и забывал о своей тяжёлой доле.

– Тысяча чертей! Вот это открытие!

Эти произнесённые совсем рядом слова мгновенно оборвали концерт, и волчата опрометью бросились в лес. Увлёкшись воем, они позволили преподнести себе неприятнейший сюрприз – к логову шли два человека!

Муфта сидел не шелохнувшись и смотрел на подходивших людей затуманенными от воя глазами. Два человека... Два как будто знакомых лица... Теперь он их узнал – это были краеведы! Бородатый и лысый! Конечно же, они нашли логово по волчьему вою.

– Это волчий приёмш! – сказал лысый, подходя к Муфте. – Выкормленный волчьим молоком ребёнок! Бородатый глубокомысленно кивнул.

– Ну да, – сказал он. – Видимо, ребёнок заблудился в лесу, волки нашли его и спасли ему жизнь. Волчица выкормила его, так что ему не пришлось голодать, и вырастила вместе со своими детёнышами.

Краеведы были в восторге. Разных крынок и прялок они собрали уже великое множество. А теперь... Теперь им попало нечто выдающееся. Волчий приёмш... Наконец что-то настоящее, что-то живое! О волчьем приёмше можно даже в газету статью написать. Таким образом, из них, краеведов, могут когда-нибудь получиться настоящие учёные!

– Ты только посмотри, какой замечательный волосяной покров на нём образовался, – сказал лысый. – Ещё одна великолепная загадка двадцатого века.

Бородатый улыбнулся:

– Тут нет ничего загадочного. Природа позаботилась о нём. Но поразительно, как живое существо может приспособиться к природе. В наших достаточно суровых климатических условиях такая шуба очень

нужна обитателю леса.

Он протянул к Муфте руку, чтобы потрогать Муфтину муфту, но лысый крикнул предостерегающе:

– Осторожно! У волчьего приёмыша, должно быть, волчьи повадки!

– Надо полагать, – согласился бородатый и отдёргнул руку. – Но прежде чем что-то утверждать наверняка, нам следует досконально изучить его.

Муфта настолько удивился всему сказанному, что некоторое время был не в состоянии говорить. Но теперь, когда он услышал, что его хотят досконально исследовать, у него сразу появился голос.

– Извините, каждая граница имеет свою вещь, – выпалил он, от волнения путая слова.

– О! – воскликнул лысый. – Он ещё не совсем забыл человеческий язык!

– Смысл его слов недостаточно ясен, – заметил бородатый, – хотя говорит вполне чисто.

Муфта пытался продолжать разговор, но ему не дали вставить и слова.

– Какие-то основы у него, во всяком случае, имеются, – сказал лысый. – Если мы хотим научить его говорить, то с самых азов начинать не придётся.

– Конечно, нет, – согласился бородатый. – А научить его говорить надо обязательно. Человеческая речь – великолепный мост, который свяжет его с нами. Говорящий экземпляр гораздо легче исследовать, чем подопытного, который всё время молчит или, в лучшем случае, завывает.

– Никакой я не приёмыш и не подопытный, – удалось наконец Муфте вставить слово. – У меня даже есть личная машина. Лысый просиял.

– Совершенно правильные предположения! – воскликнул он. – Очень способный ребёнок! Если так и дальше пойдёт, месяца через два мы сможем с ним свободно обмениваться мыслями!

Но бородатый не был так окрылён.

– Мысли мыслями, – нахмурился он. – но в мыслях должен быть какой-то смысл. К сожалению, я совсем не понимаю, о какой машине он говорит.

– Возможно, он говорит об игрушечной машинке, которая у него когда-то была, – предположил лысый. – Возможно, что его духовная связь с человеческим миром ещё не окончательно оборвалась.

– У меня есть друзья, – ещё раз попытался Муфта поставить всё на свои места. – Полботинка и Моховая Борода... Лысый сразу пришёл в восторг и закричал:

– Ого! Полботинка и Моховая Борода! Ну что я говорил? Конечно, он

рассказывает о своих игрушках! Видимо, увидев людей, он вспомнил о них. И у моих внуков есть Полботинка и Моховая Борода и, должен сказать, что лучшие игрушки трудно себе представить. Это малюсенькие резиновые человечки, их можно надувать. Есть ещё и третий, только я забыл, как его зовут...

– Муфта, – сказал Муфта.

– Правильно, – сказал лысый. – Именно Муфта. Муфта понял, что краеведам невозможно что-либо объяснить. Ведь краеведы раз и навсегда решили, что он ребёнок, выкормленный волчицей. Ничего другого они не хотели слышать и никакие разговоры тут не помогут. Краеведы заинтересованы в открытии чего-то необычайного, и теперь они считали: такое открытие было ими сделано. Им был нужен волчий приёмш. Они ни в коем случае не согласились бы считать его кем-то другим, кроме как приёмным братом волчат, которого природа в своей мудрости украсила меховым покровом.

– Что ж теперь делать? – спросил лысый. – Попробуем как-нибудь доставить в город и разыскать его настоящих родителей.

Но бородатый придерживался другой точки зрения.

– Такая резкая перемена обстановки может его слишком глубоко потрясти, – сказал он. – Возвращение в мир человека должно происходить постепенно, разумно.

Обсудив эти проблемы, краеведы решили для начала отнести Муфту к себе в палатку и в течение нескольких дней приучать к общению с людьми.

– Торопиться незачем, – заметил бородатый. – Такой экземпляр можно изучать годами.

– Годами! – воскликнул Муфта.

Но бородатый сделал из этого отчаянного возгласа свои выводы и сказал:

– Языком он пока владеет довольно примитивно, он просто повторяет слова, как попугай.

– Ничего, научится, – сказал лысый. – Давай-ка сунем его в рюкзак.

Краеведы осторожно приблизились к Муфте, готовые в любой момент отразить его нападение. А Муфта был настолько растерян, что даже не стал особенно сопротивляться.

«Годами!» – повторял он про себя. Таким ли ему представлялось долгожданное освобождение!

Полботинка в затруднении.

Полботинка стал приходить в себя, но был ещё настолько выбит из колеи, что соображал очень туго. Кости ломило. Вокруг был сумрак. И тишина. Где это он очутился?

Ему стало страшно. Он попытался сесть, но сильно ударился обо что-то головой. И в голове и над головой раздавался жестяной гул. Что это значит? И вдруг он вспомнил Муфту... Волки... Ужасная тряска в катящемся бидоне... Ну конечно, он по-прежнему лежал в бидоне, только теперь бидон уже не катился, он просто гудел.

Потом гудение прекратилось – сначала снаружи, потом и в голове.

Полботинка внимательно прислушался. Опять тишина. Он осторожно приподнял крышку бидона и вылез из своих лат. Кругом всё спокойно. Поодаль, за кустами, виднелась знакомая лесная полянка, где он встретился с Муфтой. Там тоже как будто ничего подозрительного.

Что теперь делать? Взгляд Полботинка невольно устремился к высокой ёлке. Наверху, на самой макушке, виднелся какой-то растрёпанный клубок – то ли воронье гнездо, то ли что-то в этом роде. Но Полботинка знал: на самом деле это Моховая Борода. Что, если вернуться к высокой ёлке и немного потолковать с Моховой Бородой? Соблазн был велик, но Полботинка всё же сумел перебороть себя. Нельзя было терять время, ведь скоро окончательно стемнеет. Солнце уже зашло. Вот-вот наступит ночь. И тогда не останется никакой надежды найти Муфту.

Взвесив, таким образом, все возможности, Полботинка опять забрался в свои жестяные латы и двинулся в путь. Храбрости заметно поубавилось. Но идти надо. Он надеялся, что Моховая Борода не потерял его из виду, и эта надежда несколько поддерживала его. Если друг тебя сопровождает хотя бы взглядом, то идти всё-таки куда легче.

Вскоре Полботинка добрался до лесной поляны. Надо было пройти по

ней, сюда привёл его Воротник, здесь он и Муфту встретил. Но что тем временем стало с Воротником? О собаке не было ни слуху ни духу, волей-неволей приходилось идти без проводника.

Полботинка хорошо помнил кустарник, из которого в прошлый раз выскочил Муфта. Туда-то он и направился. Пересек полянку и вошёл в чащу. Шёл всё вперёд и вперёд. Жутковато идти, особенно теперь, когда глаза Моховой Бороды в густых зарослях уже не могли его различить. Но Полботинка набрался храбрости и знай себе шагал.

Где же волки? Если они неожиданно появятся? Лучше об этом вообще не думать. Все надежды приходилось возлагать на жестяные латы. Прекрасная одежда! Здесь, в зарослях, от жестяных лат была ещё и польза: не слишком царапали колючие ветки.

И вдруг Полботинка остановился. Шаги!

Он внимательно прислушался и вскоре понял: по лесной тропинке ступали четыре ноги. Шаги были довольно тяжёлые, и Полботинка решил, что так ходить по лесу может только человек. Ног было четыре. Так что людей должно быть двое.

Попросить у них помощи? Но ведь люди бывают разные. Есть хорошие, а есть и плохие. А плохой человек, как говорится, другому человеку волк. Что делать? Полботинку было трудно решить. С настоящими волками ему уже пришлось иметь дело...

И тут один человек сказал другому:

– Нам надо раздобыть сырое мясо. Кто вырос среди волков, тот вряд ли станет есть другую пищу.

Эти слова имели для Полботинка решающее значение. Сырое мясо! Какой ужас! Что же это за люди? Выросли среди волков? Полботинка охватила противная дрожь. А он ещё несколько минут назад собирался позвать их на помощь. Какая нелепая мысль!

– Жаль, что у нас нет при себе ружей! – послышался второй голос.

– Не беда, что-нибудь придумаем, – сказал первый.

«Ну разумеется, – подумал Полботинка. – Выросли среди волков. Такие попросту разорвут своимидесятью когтями какую-нибудь несчастную зверюшку, им только бы напиться невинной крови!»

Конечно, Полботинка не мог себе и представить, что речь идёт о питании Муфты. Откуда ему было знать, что бедный Муфта затиснут в рюкзак, который один из этих людей тащит на спине! Как ему могло прийти в голову, что эти люди считают Муфту волчьим приёмывшем! Вот и получилось, что Полботинка по-своему истолковал услышанный разговор. Он застыл в кустах и стоял не двигаясь до тех пор, пока люди не ушли.

Затем он собрался с духом и пошёл дальше, но лишь после того, как шаги и голоса замерли вдали.

Продолжая свой путь, Полботинка вдруг с радостным удивлением заметил, что больше не испытывает перед волками такого отчаянного страха, как раньше. Волки, конечно, страшные звери и едят сырое мясо, но, по крайней мере, в них нет ничего противоестественного, такого, что можно заметить у двуногих волков.

И поскольку страх почти совсем улетучился, можно было повнимательнее оглядеть лес. Это было необходимо. Иначе он не заметил бы валявшихся на земле костей и мог пройти мимо.

Полботинка остановился.

Вокруг валялись обглоданные кости. И вытоптанная трава. И кое-где клочки шерсти...

И вдруг Полботинка понял, что он оказался около волчьего логова. При желании можно было разглядеть место, где волки спят. Так, значит, здесь эти самые волки и обитают, всё зловещее семейство. Совершенно невероятно, что он так просто, за здорово живёшь, набрёл на волчье логово. Выбранное наугад направление неожиданно оказалось правильным. Случается, что иногда и повезёт. Но где же волки скрываются сейчас? И куда девался Муфта? Что, если эти обглоданные кости... Но нет! Не надо сразу предполагать самое страшное!

Быть может, волки, предчувствуя опасность, покинули своё логово и утащили с собой Муфту? А может быть, они скрылись от людей, от тех самых кровожадных двуногих, которые только что здесь прошли? Всё возможно. Но ему-то что теперь делать? Следует ли ему идти в лес и искать там людей и Муфту? Ну нет, это мероприятие, пожалуй, безнадежнее безнадежного. Лучше уж притаиться где-нибудь неподалёку от логова и ждать, что будет дальше. В том, что скоро что-то произойдёт, Полботинка был совершенно уверен. Ведь всё время одно событие следовало за другим. Без неожиданных событий Полботинка не мог уже представить своей жизни.

Так и случилось. Следующее событие не заставило себя ждать. Вернее, Полботинка не успел даже подготовиться его ждать. События начали разворачиваться быстро. Ещё до того, как он подыскал себе подходящее укрытие для наблюдения.

Полботинка скорее почувствовал, чем услышал: кто-то приближается к логову. Это было просто какое-то предчувствие, предчувствие надвигающейся опасности. Полботинка быстро втянул руки в бидон и спрятал в жестяную посуду и ноги. А глаза зорко глядели через край

бидона, чтобы поточнее определить, с какой стороны появится опасность.

Какой-то лёгкий шорох...

Что это такое? Порыв ветра? Или этот шорох только почудился? Полботинка не знал, что и думать, но судорожно напрягся.

Еле слышный шорох повторился. И тут Полботинка понял: кто-то приближается к логову, приближается неслышно, как крадущийся дикий зверь.

Это и был дикий зверь. Волк. Теперь его стало видно.

А добыча? По-видимому, добычей был не кто иной, как он, Полботинка.

Полботинка с удовольствием спрятал бы в бидон голову, но пока продолжал выглядывать из горлышка бидона. Он был поражён. Ему показалось, что никогда раньше он не встречал этого волка.

Вообще-то волков нелегко отличить друг от друга, особенно с первого взгляда. Они настолько похожи, что кажутся почти одинаковыми. И всё-таки Полботинка ни на минуту не усомнился, что сейчас перед ним стоял совсем новый волк. Тот, что унёс Муфту и на Муфте обучал своих волчат нападать, выглядел несколько иначе.

Новый волк был крупнее. И свирепее. И во всяком случае, опаснее. Это Полботинка понял сразу, как только увидел. Это было видно по глазам волка, сверкавшим злобным огнём. По-видимому, это волк-самец. Вероятно, он бродил в окрестностях и теперь возвратился в логово, но не нашёл ни волчицы, ни детёнышей. Вместо них появился чужой жестяной человек. И Полботинка должен признать, что волк имел полное право рассердиться на захватчика. К тому же волк мог подумать, что именно он, Полботинка, – наглый и бессовестный захватчик, задумавший сам поселиться в волчьем логове.

Волк остановился. Правда, он стоял шагах в двадцати от Полботинка, но Полботинка понимал: для волка это никакое не расстояние. Три-четыре мощных прыжка – и он у цели. На эти двадцать шагов волку не понадобится и двух секунд. И, учитывая это, Полботинка решил на всякий случай втянуть голову в бидон. Он присел на корточки, по-прежнему весь напрягшись, и закрыл бидон крышкой.

Тело свела какая-то непонятная судорога, даже пальцы ног перестали шевелиться.

Тут подошёл волк.

Он подошёл, но без всяких прыжков, как этого ожидал Полботинка. Как раз наоборот. Он приближался осторожно, и ему потребовалось какое-то время, чтобы подойти к бидону. Наконец он остановился возле бидона.

Полботинка, казалось, слышал его дыхание.

Волк поднял лапу и опрокинул бидон набок.

Полботинка с ужасом подумал, что опять начнётся страшная тряска и его покатают в бидоне по кочкам и камням до полного изнеможения. Но ничего подобного не произошло. Волк отошёл от бидона. Он притаился где-то поблизости. Полботинка это чувствовал. Волк выжидал. Чего?

«Пусть выжидает, если хочет», – подумал Полботинка. Но тут же понял: встать невозможно. Жестяные латы мешали ему. Чтобы встать на ноги, ему надо было прежде всего вылезти из бидона. А может быть, волк только этого и ждёт?

Полботинка был в западне. Сколько он сможет выдержать в этом бидоне? Сутки? Двое? Голод и жажда возьмут своё, это ясно. Если у волка хватит терпения, то Полботинка выйдет из этого необычного поединка побеждённым. Жестяные латы сыграли с ним коварную шутку.

Полботинка был не в силах думать о дальнейшем и закрыл глаза. Им овладело глубокое отчаяние.

Моховая Борода начинает действовать.

Раннее утро. Солнце взошло.

Моховая Борода слушал волчий вой. Он провёл всю ночь на своём посту на верхушке высокой ели, прислонясь спиной к стволу и обмотав бороду вокруг крепкой ветки, чтобы, задремав, не упасть вниз, на землю. Теперь он размотал бороду.

Что стало с Муфтой и Полботинком? Он видел их короткую встречу, видел, как Полботинка позднее пробирался в зарослях кустарника. А потом? С тех пор прошла целая долгая ночь, а о Муфте и Полботинке нет никаких вестей.

Озабоченный, Моховая Борода стал спускаться с дерева. Он был не бог весть каким верхолазом, однако примерно через полчаса ступил на землю. Здесь он немного передохнул и, чтобы утолить голод, сунул в рот несколько брусничин. Он собрал их с кустов, а не с бороды. Жизнь научила его беречь ягодки в бороде, не тратить их легкомысленно. В жизни могут наступить такие дни, когда мать-земля откажет тебе в пропитании. Вот когда пригодится борода, именно тогда и придётся искать в бороде помощь, чтобы поддержать силы.

Тем временем волки перестали выть, но Моховая Борода мог теперь и по памяти найти дорогу к их логову. Как вечером, так и утром вой слышался с одной стороны, туда-то Моховая Борода и направился. Разумеется, при этом он отдавал себе полный отчёт, что сейчас он в крайне опасном положении. Ведь перед волками он был совершенно беззащитен. У Муфты есть по крайней мере муфта, которая всё-таки может смягчить остроту волчьих клыков. У Полботинка есть жестяные латы. А у него?

«Будь что будет, – решил Моховая Борода. – Если уж волкам, для того чтобы жить, нужна чужая жизнь, скажем моя, значит, так назначено природой. Если меня и задерут, то от моей смерти будет польза хотя бы тем

же волчатам. Я помогу им усвоить искусство нападения. Образно говоря, своей смертью я расчищу им путь, по которому они уверенно пойдут вперёд, навстречу восходящему солнцу...»

А пока навстречу восходящему солнцу шагал не кто иной, как он сам, Моховая Борода. Миновав поляну, он пробирался теперь сквозь густые заросли кустарника. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь самые густые ветки, и весь лес светился.

Благодаря солнечным лучам, Моховая Борода и заметил под кустом потерянный кем-то ремень с блестевшей на свету медной пряжкой. Он остановился и поднял ремень. Видимо, от куртки. Судя по длине, нетрудно было догадаться: он принадлежал человеку. Его потерял человек. Но что за человек? Этот ремень пролежал здесь недолго, пряжка ещё не потускнела.

Моховая Борода стоял на том же месте, где накануне проходили краеведы. И Полботинка проходил здесь, но в сумерках не заметил ремня. Моховая Борода ничего не знал о краеведах, он не заметил их со своего наблюдательного поста и поэтому был теперь в полном замешательстве. Человек! Человек здесь, в этой непроходимой чаще, близ волчьего логова! Действительно, что это был за человек?

Думай не думай, гадай не гадай, вряд ли от этого узнаешь больше. Наверно, у этого человека были свои дела и заботы, которые его, Моховой Бороды, совершенно не касаются. Кто бы этот человек ни был, но искать его теперь в лесу совершенно безнадёжное дело.

А ремень? Немного поразмыслив, Моховая Борода решил, что его можно будет прекрасно использовать. Он просунул пальцы правой руки в пряжку и намотал ремень на руку до самого локтя. Замечательно! Если волк вздумает разинуть пасть, надо будет смело сунуть руку ему в глотку. Кожаный ремень послужит хорошей защитой от волчьих клыков. И пряжка тоже нужна. Образно говоря, медная пряжка всё равно что искусственный клык. От неё волку разумнее держаться подальше, не то как бы не сломать собственные клыки.

Моховая Борода шагал дальше. Теперь, когда он был уже не так незащищён, как раньше, мысли его тоже стали увереннее. Ладно, он может расстаться с жизнью, если этого требуют законы природы. Но без борьбы он не сдастся. Никакой покорности! Вся природа наполнена непрерывной борьбой, борьбой не на жизнь, а на смерть. Смерть слабого – это жизнь для сильного. И хотя побеждает сильнейший, всё же и слабый стремится постоять за свою жизнь, изо всех сил он сопротивляется сильному, сопротивляется до конца.

Вдруг в кустах что-то снова блеснуло. Какой-то металлический

предмет. Но солнечные лучи так ослепительно отражались в нём, что Моховая Борода сначала даже не понял, что это такое. Он прищурился и заслонил глаза ладонью. И вдруг понял: это молочный бидон. Бидон – великолепные латы Полботинка – валялся на земле в лесу.

Моховая Борода бросился к бидону.

– Полботинка! – крикнул он. – Ты внутри? Пропадаешь?

И ему ответил знакомый, но странно глухой голос Полботинка:

– Пропадаю, пропадаю! Совсем я пропал, дружище!

Смысл слов Полботинка показался Моховой Бороде туманным. Что же всё-таки случилось? Почему Полботинка не высказывает и не приветствует его, не радуется?

Только когда Моховая Борода подбежал к бидону поближе, он понял, что здесь происходит.

Волки! Два старых волка и четверо волчат. Всё волчье семейство собралось вокруг бидона! А Муфта?

Моховая Борода остановился и оглядел всех волков по очереди. Они лежали спокойно и равнодушно смотрели на него. Даже не шелохнулись. В их глазах не было никакой враждебности. Они смотрели на Моховую Бороду, словно он был не врагом, а, скорее, каким-то растением.

Эта мысль рассмешила Моховую Бороду. Растение! Неужели и впрямь волки могли принять его за растение? И тут же он понял: волки признали его своим. Он не был для них чужим, потому что относился к ним с пониманием. И волки это чувствовали. В нём не было ничего, что могло бы пробудить в волках враждебность. Даже его запах должен был показаться им знакомым, ведь от него пахло лесом. Быть может, его длинная моховая борода была для волков как мягкая, поросшая мхом кочка? Наверно, волки принимали его за немного необычную замшелую кочку.

Придя к такому заключению, Моховая Борода подошёл к бидону вплотную.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он Полботинка. Вместо того чтобы начать описывать своё самочувствие, Полботинка удивлённо спросил:

– А волки разве на тебя не нападали?

– Вроде бы нет, – сказал Моховая Борода. – А где Муфта? Полботинку пришлось признаться, что о Муфте он ничего не знает.

– Когда я сюда добрался, в логове было пусто, – рассказывал он. – А потом явился волк и повалил меня так, что мне отсюда было уже не вылезти. Стоило немного приоткрыть крышку, как он сразу бросался. Потом явилась волчица с волчатами, но Муфты с ними не было.

– Бедный Муфта, – тяжело вздохнул Моховая Борода. – Неужели его страдания окончились уже навсегда?

Полботинка тоже вздохнул, и его вздох донёсся из бидона, как порыв ветра.

– И всё-таки нам следует и дальше искать Муфту, – продолжал Моховая Борода. – Если, на наше горе, его уже нет в живых, то всё равно наш долг предать земле его бранные останки.

– На меня ты не рассчитывай, – сказал Полботинка. – Волки меня отсюда не выпустят, этот бидон станет моим жестяным гробом. Смешно было бы и думать, что я добровольно и в полном здравии залез в этот гроб.

Моховая Борода задумался. В самом деле, ужасная история. А что предпримут волки, если он попытается сам утащить отсюда бидон? Конечно, с Полботинком... Ему, по-видимому, разрешено больше, чем

кому-либо другому...

Не стоит, однако, быть слишком самонадеянным! Моховая Борода вспомнил, что совсем недавно волк намеревался и его похитить, зачем бы иначе ему было пытаться погасить костёр. Настроение волков, как видно, переменчиво.

Если так, надо торопиться! Только вот как унести Полботинка с бидоном? Полботинка, конечно, не бог весть какой великан, но кое-что всё-таки весит.

А ремень? Не зря же судьба послала ему ремень!

Теперь, когда эта мысль пришла ему в голову, он не стал терять времени. Он быстро размотал ремень с правой руки, привязал одним концом к ручке бидона и потащил. По усыпанной хвоей земле бидон скользил легко, как санки.

– Что происходит? – испуганно спросил Полботинка.

– Спокойно, – сказал Моховая Борода. – Потом поговорим.

Теперь всё зависело от волков.

Моховая Борода пошёл, таща за собой бидон. И как ни удивительно, волки не шелохнулись! Значит, всё-таки Моховой Бороде было дозволено больше, чем кому-либо другому. Волки продолжали лежать, как будто ничего особенного и не произошло. Видимо, они и не собирались мешать Моховой Бороде. Они смотрели на него совершенно равнодушно, может, были даже довольны, что таким образом избавились от жестяного бидона.

Между небом и землёй.

Моховая Борода нашёл узенькую тропинку и поволок по ней бидон с Полботинком.

Он уже порядочно отошёл от волчьего логова, бидон скользил довольно легко.

Судьба снова была милостива к Моховой Бороде и Полботинку, и Моховая Борода пришёл к выводу, что никогда нельзя терять веру в свою счастливую звезду. И относительно Муфты тоже не стоило предполагать самое страшное, по крайней мере до тех пор, пока они не увидят пустую муфту Муфты.

– Куда держим курс? – спросил Полботинка из бидона.

– Понятия не имею, – признался Моховая Борода. – Куда тропинка ведёт, туда и будем курс держать.

По существу, сейчас было совершенно всё равно, куда идти. Главное, побыстрее отойти подальше от волчьего логова. Когда опасность минует, тогда и настанет время разработать план и основательно обсудить программу действий.

Некоторое время спустя Полботинка сказал:

– Я думаю, мне уже пора вылезать из этого треклятого жестяного гроба.

Моховая Борода остановился. Казалось, что прямой опасности больше не было. Во всяком случае, волки не давали о себе знать.

– Ну ладно, давай вылезай, – сказал Моховая Борода. – Сколько можно тебя тащить?

Из бидона показалась голова Полботинка, затем плечи. И наконец он весь высвободился из своих хвалёных жестяных лат.

– Бедные мои косточки! – простонал он. – Я совсем одеревенел, даже пальцы на ногах не хотят по-настоящему шевелиться.

Он едва стоял на ногах. Жестяные латы его действительно ужасно

измучили.

– Одно шевеление пальцами не поможет, – рассудил Моховая Борода. – Ты должен с ног до головы расшевелиться, чтобы кровь хорошенько разогнать.

Полботинка попытался последовать совету Моховой Бороды, но двигался он ужасно неуклюже. Возможно, он ещё долго беспомощно топтался бы на месте, если бы его вдруг не охватил порыв дикого гнева.

Он сердился на бидон, на тот проклятый жестяной гроб, превративший его в такое жалкое существо. И в сердцах он изо всех сил пнул бидон ногой.

И тут же отчаянно взвыл. Его голые пальцы словно огнём обожгло, дикая боль пронзила всё тело. Он вскочил, стал подпрыгивать. И весь этот дикий танец сопровождался душераздирающим воплем.

Наконец боль несколько утихла. Полботинка смог стоять на месте, и его вопли перешли в тихое оханье.

– Вполне разумно! – похвалил Моховая Борода. – Этот удар ногой – самое разумное, что ты мог сделать. Теперь у тебя кровь хорошенько разогрелась, и ты сможешь снова ходить самостоятельно.

Полботинка не сказал ничего. Он подошёл к бидону, поднял его обеими руками над головой и с размаху зашвырнул в кусты.

– С меня хватит, – пробормотал он. – Пусть мыши, если хотят, сделают там гнездо.

Моховой Бороде не было жаль бидона, ведь из-за дыр для рук и ног его всё равно невозможно использовать для воды. Но с ремнём он не собирался расставаться. Это был хороший ремень, к тому же вещь найденная. Вдруг чудесным образом ему доведётся встретиться с владельцем ремня. Моховая Борода подошёл к бидону и отвязал ремень от ручки.

– Где ты взял этот ремень? – спросил Полботинка.

– Нашёл в лесу, – сказал Моховая Борода. – Неподалёку от волчьего логова.

Полботинка насторожился.

– Пожалуй, я кое о чём догадываюсь, – задумчиво произнёс он. И он рассказал Моховой Бороде о двух ужасных человекообразных, которых он накануне вечером случайно встретил.

– От их разговора осталось впечатление, что они выросли среди волков, – сказал он. – Во всяком случае, у них слюнки текли при упоминании о сыром мясе.

– О сыром мясе? – в ужасе повторил Моховая Борода. Но в эту минуту произошло нечто такое, что заставило их сразу забыть и о тех людях, и о сыром мясе. Полботинка случайно оглянулся.

– Волки! – крикнул он.

Моховая Борода тоже оглянулся.

Да, это были волки. Ну конечно. Они, как видно, продолжали так называемые занятия. Выходит, они только передохнули, чтобы с новыми силами броситься на новые жертвы.

Полботинка кинулся наутёк. Оцепенелости как не бывало.

«Куда же он мчится? – подумал Моховая Борода. – Неужели он в самом деле рассчитывает таким образом спастись от волков? Напрасная надежда. Может, у него кровь настолько разыгралась, что он не в силах себя сдержать? Наверное, голос крови заставил его так мчаться. – Моховая Борода не захотел отставать от Полботинка. – Надо держаться вместе, – подумал он. – Держаться вместе и в жизни и в смерти!»

И с этой мыслью он бросился за Полботинком.

За спиной послышались лёгкие шаги волков. Словно играя, они приближались к беглецам.

У Моховой Бороды от быстрого бега перехватывало дыхание. Ну что за дурень этот Полботинка? Зачем он несётся по прямой тропинке? Неужели он не понимает, что волки могут его настигнуть в любую минуту? Сейчас единственное спасение – быстрее забраться на дерево...

Но едва Моховая Борода успел об этом подумать, как произошло нечто совершенно непонятное. У-ух! Всего одна секунда! А может, и меньше... И Полботинка уже на дереве. Словно его подкинула невидимая пружина.

Может быть, это внушение? Моховая Борода проделал такую штуку усилием мысли?

Или это обман зрения?

Продолжая бежать, Моховая Борода протёр глаза и снова взглянул туда, где видел буквально взлетевшего на дерево Полботинка.

Нет, это не обман зрения.

Полботинка висел на верхушке молодой берёзки у самой тропки. Именно висел. Вниз головой.

И тут Моховая Борода ощутил на своём затылке горячее дыхание волка. Он хотел увернуться, но не смог. Нога где-то застряла. Быть может, зацепилась за корень. Он упал. Упал лицом вниз. И почувствовал, как ему на спину легли волчьи лапы. Задерёт!

Моховая Борода закрыл глаза. И в тот же миг какая-то могучая сила, неизвестная сила вырвала его из волчьих лап. Он взлетел вверх.

И когда снова открыл глаза, увидел, что качается рядом с Полботинком на ветке соседней стройной берёзки.

Прошло немало времени, прежде чем Моховая Борода настолько пришёл в себя, что смог думать. Что же произошло? Какая сила бросила его на дерево, где он теперь непонятным образом болтался вниз головой и вверх ногами?

Моховая Борода напряжённо думал. Всякие сверхъестественные предположения следовало отбросить. Например, силой внушения полёт объяснить нельзя. Сила внушения может помочь прыгнуть немного повыше, чем обычно, но на макушку берёзы сила внушения тебя не забросит. Сила притяжения земли, во всяком случае, куда сильнее, чем сила внушения, в этом не может быть никаких сомнений. Правильнее было бы подумать о более будничных вещах – например, о силках или капканах.

И вдруг Моховой Бороде всё стало ясно. Заячий капкан! Они с Полботинком угодили в заячий капкан, оба, один за другим.

Именно заячьи капканы устраивают так, что верхушку молодого дерева нагибают и соединяют с петлей, расположенной на земле. Если заяц попадает в петлю, верхушка дерева, распрямляясь, затягивает её и поднимает добычу наверх. Довольно простой принцип. Ещё с древних времён охотники устраивали такие капканы на лесных тропах. И сейчас они оба попали в капкан. Улепётывая что есть мочи, ни один из них, конечно, не заметил ни петли, ни верёвки. Но всё-таки счастье, что так случилось. В смысле волков, конечно.

– Как ты себя чувствуешь? – донёсся с соседней берёзки голос Полботинка. – С кровообращением всё в порядке?

– Кровь начинает приливать к голове, – вздохнул Моховая Борода. – Положение у нас незавидное, дружище. Полботинка не стал возражать.

– Здесь, как видно, наш жизненный путь и закончится, – сказал он. – Между небом и землёй.

В небе кружились вороны. Целая стая собралась над головами Полботинка и Моховой Бороды. Вороны на что-то рассчитывали. Быть может, ждали добычи?

– Стервятники, – пробормотал Моховая Борода.

А внизу, вокруг берёз, беспокойно метались волки. Поглядывали наверх. Их занятия неожиданно прервались, и это им совсем не нравилось. Казалось, они что-то замышляют, советуются друг с другом.

Что они могут замышлять?

Ни Моховая Борода, ни Полботинка и не пытались строить догадки. Вскоре это и вовсе перестало их интересовать. Всё равно. Будь что будет. У обоих в ушах неприятно шумело. Думать было трудно. Только одна мысль и вертелась ещё в голове: здесь, значит, всё и кончится, между небом и землёй.

Сердечная встреча.

Направляясь от волчьего логова к своей палатке, оба краеведа были радостно оживлены. Всё-таки не напрасно они взялись за изучение волчьих повадок в этом лесу! Волчий приёмш! Обросший шерстью ребёнок! Вот это открытие, вот это находка!

Теперь они вернут обществу этого ребёнка. Однако не следует торопиться. Что скажут родители, когда увидят своё дитячко таким одичавшим и лохматым?

Прежде всего надо научить ребёнка говорить и, пожалуй, даже пользоваться ножом и вилок. Но всё надо делать постепенно и разумно. От волчьих повадок его надо отучать понемногу. Нельзя же, например, сразу кормить чем попало, если до сих пор он ел только... Но что же он ел? Конечно, сырое мясо.

Бородатый краевед высказал это соображение вслух.

– Надо бы достать сырого мяса. Тот, кто вырос среди волков, вряд ли станет есть другую пищу.

Лысый утвердительно кивнул. Только вот где ты в лесу возьмёшь мясо? По мнению лысого, без ружья сырого мяса не раздобыть.

– Жаль, что мы не захватили ружья, – сказал он.

Но бородатый считал, что иметь ружьё совсем не обязательно.

– Что-нибудь придумаем, – беззаботно заявил он и некоторое время спустя добавил: – Кстати, у меня в рюкзаке найдётся несколько заячьих капканов.

Для лысого это было новостью, и он тут же захотел взглянуть на эти капканы. Но бородатый, испытывая терпение приятеля, продолжал молча шагать по лесной тропинке. И только когда до палатки оставалось всего около получаса ходьбы, он наконец остановился и развязал свой рюкзак.

– Эти капканы я обнаружил во время одной из наших экспедиций на чердаке заброшенного хутора, – объяснил он. – В наши дни таких капканов

не делают, да и не умеют их делать. Теперь большей частью пользуются фабричными, железными.

Лысый с любопытством смотрел, как бородатый устанавливает капканы, как нагибает стволы двух молодых берёзок, чтобы привязать к ним капканы, и как старательно раскладывает петли на тропинке. Муфта, сидевший в рюкзаке лысого, тоже заинтересовался его действиями. Он, правда, ничего не видел, но слышал разговор краеведов и довольно ясно представлял себе всё происходящее.

Какой ужас! Эти краеведы не жалеют усилий, лишь бы накормить его сырым мясом. А хочет он этого или нет, их несколько не интересует. Они желают, чтобы он, Муфта, безумно обожал сырое мясо, и этого вполне достаточно. Они ведь от всей души хотят, чтобы он по всем статьям тянул на волчьего питомца. Они, пожалуй, и представить себе не могут, что у него есть какие-то собственные желания! И Муфта с ужасом думал о том, что, находясь у них в руках, он вдруг и впрямь постепенно превратится в такого чудо-зверёныша, едва умеющего говорить и с восторгом пожирающего куски сырого мяса. Если события и дальше будут развиваться в таком духе, то бог знает, чем всё это кончится. Если воля краеведов окажется сильнее воли Муфты, то его песенка спета...

Муфте стало не по себе. Он старался отогнать мрачные мысли, но из этого ничего не получилось. Он не мог справиться со своим воображением.

Он представлял, как становится настоящим волчьим приёмышем, бегаёт по лесу на четвереньках и гоняется за зайцами. И тогда, впад в полнейшее отчаяние, Муфта стал изо всех сил барахтаться в рюкзаке.

– Ну-ну, – проворчал лысый. – Вот ведь как вырывается. Свяжешься с таким, так самому не будет никакой жизни.

– Надо бы его связать, – сказал бородатый.

По мнению лысого, это был вполне разумный совет, и он хотел снять свой ремень, чтобы связать Муфте руки и ноги. Но ремня не оказалось.

– Я потерял свой ремень, – сказал лысый.

Ремня было, конечно, жалко, но всё-таки из-за него не стоило возвращаться. Ремень ремнём, всё равно в наступавших сумерках вряд ли удалось бы его найти. Краеведческие исследования иногда требуют и жертв. Лысый обойдётся и без ремня, к тому же Муфта в рюкзаке перестал буяннить...

Муфта понял, что бессмысленным барахтаньем ничего не добьёшься. Свяжут тебя – и дело с концом. Лучше уж сидеть смирно и ждать, что будет. Нельзя выходить из себя! Несмотря ни на что, он пока остаётся собой! Он ничуть не одичал, как бы этого ни хотелось краведам. И

пусть краеведы считают его кем угодно, сам-то он знает, кто он на самом деле.

Я Муфта, а не кто-нибудь иной.
И навсегда останусь я собой.

Муфта и не заметил, как стал сочинять стихи. Это его здорово успокоило. Стихи укрепляли его дух, что при теперешних обстоятельствах было совершенно необходимо.

Краеведы продолжали свой путь. Когда они наконец подошли к палатке, уже совсем стемнело. Но кострище рядом. Сухой хворост был заготовлен заранее, так что вскоре палатку осветил приветливый огонёк костра. Лысый варил на костре кофе, а бородатый принёс из палатки буханку хлеба и головку сыра. Скоро можно подкрепиться.

– А чем мы покормим своего подопечного? – растерянно спросил лысый. – У нас ведь нет сырого мяса.

– Может, он сам для себя что-нибудь раздобудет? – сказал бородатый. – Например, выроет из земли какого-нибудь крота.

Лысый развязал рюкзак и за шиворот вытащил оттуда Муфту.

– Ну, что будем делать, малыш? – спросил он. – Может, выроешь себе крота?

Муфта молчал. Он считал этот вопрос слишком оскорбительным, чтобы на него отвечать.

– Или, может, мышку поймаешь? – ободряюще продолжал лысый. – Разве волки не научили тебя ловить мышей?

Муфта по-прежнему молчал.

Ведь для волков он сам служил мышью. Волки играли с ним, так сказать, в волки-мышки. Но как это объяснить краеведам?

У Муфты голова шла кругом. Наверное, потому, что после долгого сидения в душном рюкзаке он снова попал на свежий воздух. А быть может, это от голода? За всё время неволи в волчьем плену у него во рту не было и маковой росинки. Голод его здорово мучил, и он не мог оторвать глаз от хлеба и сыра. Краюшка хлеба и кусочек сыру были ему просто необходимы. Если бы хоть немного утолить голод, тогда он наверняка нашёл бы и более толковые слова, такие слова, чтобы краеведы в конце концов стали его слушать.

Ой-ой-ой, до чего же он голоден, голоден, как волк... Так он им и скажет!

– Я... Я голодный... Голодный, – заикаясь, пробормотал Муфта. – Голодный волк.

Как это часто с ним бывало, от сильного волнения язык совершенно перестал слушаться. Голодный волк! Это он сказал нечаянно, а лысый тут же ухватился за его слова.

– На самом деле ты вовсе не волк, – дружелюбно улыбнулся он. – Это тебе только кажется.

А бородатый добавил:

– Хоть ты и вырос среди волков, это ещё не значит, что ты волк.

Муфта даже охнул от отчаянья. И надо же было именно сейчас начать путать слова.

Муфту охватило горькое чувство одиночества. Люди были рядом, он же, несмотря на это, ощущал себя бесконечно одиноким. Быть может, даже более одиноким, чем когда-либо ранее. Его не понимали, и именно это ложилось на сердце тяжким грузом.

Между тем чувство голода с каждой минутой усиливалось.

– Пожалуйста... – срывающимся голосом попросил Муфта и грустно посмотрел на краеведов. Он хотел попросить кусочек хлеба. Но не успел договорить. – Воротничок!

Возглас Муфты прозвучал в лесной тишине поразительно громко.

В его голосе слышалась неопишуемая радость, на лице сиял невиданный восторг. Воротник! Воротник появился в круге света, отброшенного костром. Маленький, верный и храбрый Воротник!

Радость встречи была взаимной. Невероятно длинными прыжками Воротник бросился к Муфте и стал лизать его лицо и руки. Он радостно

повизгивал, непрерывно вертел хвостом и вскинул лапки на Муфтины плечи. Ослабевший от голода, Муфта не устоял на ногах, он упал, но верный пёс всё ещё не мог сдержать порыв своей нежности.

Краеведы с глубочайшим интересом следили за этой встречей.

– Воротничок, милый мой Воротничок! – растроганно повторял Муфта.

– Он называет собаку воротником, – усмехнулся бородатый. – Похоже, он даже не лишен чувства юмора.

– Совершенно невероятно, до чего они друг другу нравятся, – удивился лысый.

Бородатый погрузился в размышления.

– Не следует забывать, что собака произошла от волков, – наконец сказал он. – А раз малыш – волчий приёмыш, то они, по-видимому, находят друг в друге что-то общее, то, что их сближает.

– Да-да, – кивнул лысый. – Что-то общее у них, конечно, есть. На известное родство указывает хотя бы шерсть.

– Волосяной покров у них правда почти одинаковый, – заметил бородатый. – Полагаю, нам следует использовать эту собаку в своих интересах. Она гораздо легче найдёт общий язык с волчьим приёмышем, чем мы.

– Правильно, – согласился лысый. – Он может стать как бы посредником между нами и нашим подопечным. Бородатый отложил кусок хлеба.

– Пёсик, пёсик! – позвал он и сказал лысому: – Самый прямой путь к собачьему сердцу лежит через желудок.

Воротник наострил уши и устоял на бородатого. Он был так же голоден, как Муфта, может быть, даже ещё голоднее. Всю долгую ночь и следующий долгий день он скитался по чужому дремучему лесу. Повинуясь приказу Муфты спастись от волков, он мчался, не выбирая направления, вперёд и вперёд и наконец безнадежно заблудился в этом огромном лесу. Он окончательно потерял следы накситраллей. Он бегал взад и вперёд, пока не заметил наконец зарева костра, приведшего его к любимому хозяину. Всё это время бедная собака ничего не ела.

Бородатый бросил Воротнику кусок хлеба, и собака ловко поймала его на лету.

– Молодец, – похвалил лысый, отломил ещё кусок и подбросил его.

Ого! На этот раз хлеб схватил Муфта и стал его грызть.

– Дело идёт на лад, – обрадовался бородатый. – Он уже ест хлеб! Может быть, со временем он вообще забудет о сыром мясе.

– Возможно, недели через две мы сможем кормить его даже овощами, – добавил лысый. – Овощи лучше всего отучают от дикости.

Теперь они кормили хлебом и Муфту и собаку и при этом закусывали сами, так что вроде все были сыты.

– Пора спать, – решил бородатый. – Утро вечера мудренее. Лысый кивнул.

– Приёмыша возьмём в палатку? – вопросительно взглянул он на бородатого.

Бородатый колебался.

– Пусть поспит здесь, у костра, – сказал он наконец. – А то ещё на рассвете начнёт выть и разбудит нас ни свет ни заря.

Это было вполне обоснованное опасение, ведь краеведы прекрасно знали, что Муфта может ужасно выть.

Конечно, надо было позаботиться о том, чтобы Муфта ночью никуда не сбежал. Поэтому краеведы снова засунули Муфту в рюкзак и накрепко завязали его.

– Собака будет его сторожить.

И это была сущая правда. Воротник подошёл к рюкзаку и улёгся рядом.

Костёр понемногу угасал.

Снова на земле.

Поднялся лёгкий ветерок, и верхушки деревьев стали потихоньку покачиваться.

– Плохо дело, – сказал Моховая Борода.

– Разве что песня поможет нам преодолеть трудности, – произнёс Полботинка и тут же попытался запеть: – Качаемся-качаемся, вперёд-назад, вперёд-назад...

Но Моховой Бороде петь не хотелось.

– Образно говоря, наши песни считай что спеты, – вздохнул он.

– Если уж говорить образно, то картина, прямо скажем, невесёлая, – согласился Полботинка. – Была бы возможность, так сейчас бы перевернул эту картину, чтобы нам больше не висеть вниз головой.

Моховая Борода не отозвался. Полботинка, немного помолчав, сказал:

– И волки на этой картине мне не нравятся.

Теперь и Моховая Борода стал внимательнее смотреть на волков. Чего они ждут? Что замышляют? Казалось, волки вовсе не собираются признавать своё поражение. Они не соглашались так легко отказаться от своей добычи, которая уже была, считай, у них в лапах. Они явно не могли примириться с тем, что добыча каким-то чудесным образом взлетела из-под их носа в воздух и спокойно повисла на деревьях.

Но что же они всё-таки замышляют?

Понемногу это стало выясняться.

Волчица с двумя волчатами подошла к дереву, на котором висел Моховая Борода, а волк с двумя другими волчатами нацелился на Полботинка. Тут и началось...

Волчица разбежалась и подпрыгнула, широко разинув пасть, она чуть было не схватила Моховую Бороду за бороду.

– Да она просто летает! – испуганно пробормотал Моховая Борода.

– Ты подбери бороду, – посоветовал Полботинка. – Если волки вцепятся тебе в бороду и повиснут, берёзка наклонится к земле, и ты пропал...

Моховая Борода послушался совета Полботинка и обернул бороду вокруг шеи.

– Борода служит тебе заодно шарфом, – усмехнулся Полботинка. – Теперь нечего опасаться, что ты простудишься и схватишь ангину.

Волчата тоже последовали примеру волчицы, но, к счастью, они прыгали гораздо ниже матери. И тут волчица прыгнула снова. Тысяча чертей! Моховая Борода был так благодарен Полботинку за добрый совет, не послушайся он друга, этот зверь наверняка стащил бы его за бороду с дерева.

– Похоже, у них новый урок, – произнёс Моховая Борода дрожащим от страха голосом. – Родители учат детёнышей прыгать.

– Скорее, это напоминает спортивное соревнование, – сказал Полботинка. – А призы – это, конечно, мы.

Но он тут же прервал свою болтовню: события начали разворачиваться и под его берёзой. Волк что-то прорычал, словно требуя у волчат внимания. Присел, готовясь к прыжку. И – прыгнул.

Горячее дыхание волка ударило в лицо Полботинка. Не хватило совсем немного. Казалось, волк, если бы захотел, мог лизнуть щёку Полботинка.

– Считанные сантиметры! – испугался Полботинка. – Дело дрянь. Тем временем волчата продолжали прыгать, но особой опасности это не представляло. Потом опять настала очередь старого волка.

– Ты посильнее раскачайся! – посоветовал Моховая Борода. – Чем подвижнее мишень, тем труднее её поразить.

Полботинка стал размахивать руками, чтобы хорошенько раскачаться. Опыт далёкого детства ему очень пригодился. Он качался из стороны в сторону, как маятник.

Волк прыгнул. Он расвирепел. Со всего размаха он взлетел вверх, собрав всю свою волчью злобу и всю свою волчью силу.

От ужаса Полботинка закричал. Волчья пасть мелькнула прямо перед его глазами. Казалось, волк вот-вот вонзит клыки ему в горло. Но маятник работал безупречно. Он проплыл мимо волка.

Волк с размаху шлёпнулся наземь.

– Пронесло! – ликовав Полботинка.

– Надолго ли? – усомнился Моховая Борода.

Тем временем и его положение становилось всё опасней. Волчица с двумя волчатами немного передохнула и, настороженно поглядывая на

Моховую Бороду, снова приготовилась к прыжку.

Чего она ждёт? Уж прыгала бы наконец!

Но волчица не прыгнула. Она замерла. Моховая Борода вдруг почему-то перестал её интересовать.

Волк тоже замер на месте.

– Что-то почуяли, – сказал Полботинка.

Волчата тоже насторожились.

– Что-то и впрямь случилось, – оживился Моховая Борода.

Но что же? Почему заволновались волки? Сулит это радость или беду?

И вдруг волки повернулись и пошли. Исчезли. Старые впереди, молодые следом. Прошло всего несколько секунд, а их след простыл.

Полботинка сказал:

– Как будто голоса.

Оба прислушались. Действительно, голоса. Разговор... Хруст сломанной ветки... Опять голоса... Шаги... И тут появились люди. Ну конечно, кто ещё мог так напугать волков!

Люди были пока довольно далеко, но сверху, с вершины берёзы, Полботинка уже заметил их. И тут же у него возникло тревожное подозрение.

– А вдруг это они? – испуганно прошептал он. – Те, кто говорил о сыром мясе?

Встретив в первый раз краеведов, Полботинка их толком не разглядел. Между деревьями перед ним промелькнули две неясные фигуры. Но разговор он слышал. Ещё как ясно! Их голоса он хорошо запомнил. И чем лучше был теперь слышен разговор приближавшихся людей, тем яснее ему становилось: это те самые люди!

– Где-то здесь и должен быть наш капкан, – произнёс низкий голос.

– Ещё несколько шагов, если я не ошибаюсь, – ответил более высокий голос.

Никаких сомнений! Они!

Краеведы проснулись с восходом солнца, правда, не от Муфтиного воя, а сами по себе. Несмотря на недолгий сон, они были полны бодрости и энергии. Они бы с удовольствием принялись за воспитание Муфты. Рюкзак преспокойно лежал у потухшего костра, и они решили дать Муфте хорошенько выспаться. Возвращение к людям, безусловно, потрясло бедняжку, пусть теперь как следует отдохнёт, отоспится. Лучше пока проверить капканы. И они отправились в путь. Собаки не было видно, но краеведы были уверены, что к завтраку она обязательно вернётся. Настроение у них было отличное. Теперь бы ещё найти капканы! Они

прибавили шагу и вскоре подошли к берёзам с капканами.

– Смотри-ка! – воскликнул лысый. – На обеих берёзах что-то болтается!

– Точное попадание! – обрадовался бородатый. Но радость тут же сменилась недоумением.

– Это может быть что угодно, только не зайцы! – пробормотал лысый и протёр очки. – А ты как считаешь?

Бородатый протёр глаза, потому что очков у него не было.

– Кто-то, как видно, сыграл с нами злую шутку, – сказал он. – В заячьих капканах какие-то куклы.

– Но они шевелятся, – усомнился лысый.

– Значит, они заводные, – стоял на своём бородатый. – А может, на транзисторах.

Краеведы подошли поближе. Лысый заметил свой ремень, в панике оброненный Моховой Бородой, поднял его и надел на куртку.

– Порядок, – удовлетворённо заметил он. – Только я его не здесь потерял.

И вдруг с верхушки берёзы донёсся голос Моховой Бороды:

– Я нашёл ваш ремень в лесу, близ волчьего логова. Краеведы были ошеломлены. Ясная человеческая речь!

– Помогите же нам спуститься, – сердито сказал Полботинка. – Что вы мешкаете?

– Они говорят, – прошептал лысый. – Они вовсе не куклы, а... Он не закончил.

– Ну? – спросил бородатый. – Кто же они, по-твоему, в конце концов?

Лысый молчал. Да и что он мог сказать?

– По-видимому, в них вмонтирована магнитофонная плёнка, – упрямо стоял на своём бородатый, – хотя, по правде говоря, я и сам не очень-то верил, что это куклы.

– Кровь к голове прилила! – пожаловался Полботинка. – Неужели вы не понимаете? Мы на грани обморока!

– Видимо, в них введена искусственная кровь, – насмешливо произнёс лысый. – Как-никак двадцатый век!

Бородатый предпочёл не заметить насмешку.

Нагнув верхушку берёзы, бородатый осторожно высвободил Полботинку из петли, то же самое лысый проделал с Моховой Бородой. Спустя минуту оба накситралля стояли на земле.

– Приветствуем тебя, матушка Земля! – торжественно сказал Полботинка. – Как отрадно снова почувствовать под ногами родную почву!

Но тут он покачнулся, взмахнул руками и во весь рост растянулся у ног краеведов.

– И даже не шевелится, – растерялся лысый.

– Всё-таки они заводные! – обрадовался бородатый. – Видишь, у одного завод уже кончился.

– Он же сознание потерял, – сказал Моховая Борода. – Он столько пережил! Если бы вы только знали...

Речь его оборвалась на полуслове. Моховая Борода тоже потерял сознание и упал рядом с Полботинком.

– Вот те на! – растерянно посмотрел бородатый на лысого. – А где нам взять ключ, чтобы завести их?

Полботинка уходит.

Когда Полботинка и Моховая Борода наконец пришли в себя, они увидели, что лежат рядышком у палатки краеведов.

Краеведы готовили завтрак. Над чайником на костре поднимался пар.

– Посмотри-ка, зашевелились! – воскликнул лысый, указывая на накситральчиков.

– Похоже, они всё-таки работают на транзисторах, – равнодушно отозвался бородатый. – Или на солнечных батареях. И, заметив вопросительный взгляд лысого, пояснил:

– Они довольно долго пролежали на солнце. Солнце зарядило пустые батарейки, и их механизмы снова заработали. Не веришь?

Лысый не отвечал. Он смотрел на Полботинку и на Моховую Бороду с возрастающим интересом. Как гномы, только побольше. В детстве он бы непременно принял их за гномов. У одного даже борода. Быть может, они и есть что-то в этом роде... Гномы двадцатого века или как бы это назвать... Если хорошенько подумать, то ведь и волчий приёмщик тоже смахивает на ребёнка. Вдруг и он тоже, как их там...

У лысого мурашки побежали по спине. «Кажется, я впадаю в детство, – испуганно подумал он и постарался побыстрее отогнать мысли о гномах. – Какая чепуха! А ещё хочу быть краеведом...»

– Где я? – слышался голос Полботинки.

Он совсем очнулся и с любопытством приподнял голову.

– Вот видишь... – Бородатый с торжествующим видом посмотрел на лысого. – У этого плёнка опять включилась. А волчонок всё ещё спит в рюкзаке как сурок.

Не обращая больше внимания на Полботинку, бородатый подошёл к валявшемуся на траве рюкзаку, присел возле него на корточки и слегка похлопал по нему рукой.

– Пора вставать, – ласково позвал он. – Чай уже кипит. Пора вылезать

из мешка и становиться человеком.

Полнейшее молчание. Ни единого звука. Ни малейшего движения в рюкзаке, сколько ни сверли его глазами.

– А вдруг с ним что-то случилось? – встревожился лысый. – Уж не задохнулся ли он?

Бородатый тоже заволновался. Стал торопливо развязывать рюкзак. Ещё несколько напряжённых минут и...

– Травой набит!

– Что? – не понял лысый. Бородатый поднялся.

– Сбежал! – сказал он. – Рюкзак набит травой.

Краеведы стояли взволнованные и удручённые. Как в траурном карауле.

– Всё пропало, – вздохнул лысый. – Мы сами виноваты. Как мы могли оставить его без надзора?

Полная растерянность и полная подавленность.

– Хотелось бы знать, кого мы теперь будем обучать? – проворчал бородатый. – Этих, что ли?

Он указал пальцем на накситраллей. Лысый оживился.

– С ними и в самом деле не мешало бы поближе познакомиться, – заметил он. – Таких действительно не каждый день встретишь.

Бородатый лишь раздражённо махнул рукой.

– Шутки в сторону, – проворчал он. – В конце концов, мы краеведы, а не какие-нибудь режиссёры кукольного театра. У нас должна быть ясная цель, к которой надо стремиться.

– Так-то оно так, – без энтузиазма согласился лысый. – Только цель-то наша из рюкзака исчезла.

– Мы должны обрести её вновь, – твердо заявил бородатый. – Мы должны найти его. Может, он сбежал в логово, под защиту своих приёмных родителей? Недаром волчий приёмш. Безусловно, он хочет и впредь жить по-волчьи, к нам-то он не успел ещё привыкнуть. И конечно, ему очень хотелось сырого мяса.

Моховая Борода сел. Теперь он окончательно пришёл в себя.

– Ты слышал? – шёпотом спросил он Полботинка. – Волчье логово... Волчий приёмш... А вдруг тот, о ком они говорят, не кто иной, как наш милый Муфта? Просто они его схватили, потому его и не оказалось в логове.

– Несомненно, – рассеянно кивнул Полботинка, – Муфта? Да, да, конечно же, Муфта...

У него возникла очень важная мысль, но прежде чем её высказать,

надо было всё основательно продумать.

Моховая Борода вскочил и подошёл к краеведам.

– Извините, – вежливо поклонился он. – Не могли бы вы в двух словах описать, как выглядит этот так называемый волчий приёмьш?

Бородатый, казалось, не заметил Моховую Бороду. Моховая Борода и Полботинка раздражали его, поскольку он не мог чётко объяснить себе их происхождение. Они ему действовали на нервы и потому он не желал о них даже слышать. Лысый оказался дружелюбнее.

– Волчий приёмьш с ног до головы покрыт шерстью, – обернулся он к Моховой Бороде. – Я бы даже сказал, что у вас есть что-то общее с ним.

– Что-то общее! – воскликнул Моховая Борода. – Ну конечно! Ведь вы всё время толкуете о нашем Муфте!

– Муфте? – удивился лысый.

Теперь и бородатый не смог больше оставаться безразличным и развеселился.

– Муфта! – захихикал он. – Очень образно сказано! Если подумать, то волчий приёмьш действительно напоминает большую мягкую муфту.

Бородатый хихикнул последний раз, а потом решительно повернулся к лысому:

– Пошли! Мне кусок в горло не полезет, пока эта живая Муфта не будет как миленькая сидеть у нашего костра.

Моховая Борода не успел ничего больше сказать. Краеведы удалились решительным шагом.

Наступила тишина. Моховая Борода беспомощно взглянул на Полботинка.

Некоторое время они молчали, потом Полботинка сказал:

– Теперь наконец выяснилось, что собой представляет наш дорогой друг. Волчий приёмьш! Скажите на милость!

Эта и была та самая важная мысль. Эту мысль он всё это время про себя и обдумывал.

Поражённый Моховая Борода не мог и слова вымолвить, а Полботинка сказал:

– Теперь я понимаю, почему Муфта с такой радостью перебрался от нас в волчье логово!

– Что значит с радостью! – Моховая Борода настолько рассердился, что к нему вернулась способность говорить. – И это ты о нашем друге! Ведь волк утащил его насильно, мы же сами видели!

Полботинка многозначительно усмехнулся.

– Как сказать, – изрёк он. – Волк, по-видимому, узнал своего бывшего

приёмыша. Да Муфта, кстати, особенно и не сопротивлялся, верно, он уже тогда думал о сыром мясе.

Моховая Борода был возмущён. Как могло Полботинку такое в голову прийти! Волчий приёмш! Стоило краеведам обронить несколько необдуманных слов, и Полботинка словно подменили. Невероятно! В конце концов... Что из того, если Муфте когда-то в детстве и правда довелось жить среди волков? Это же не имеет никакого значения. Муфта – это Муфта. Они ведь знают его вдоль и поперёк, знают куда лучше, чем какие-то краеведы или ещё кто-нибудь.

И Моховая Борода заявил:

– Если даже Муфта и вырос среди волков, то это, во всяком случае, ничуть не сказалось на его характере.

– До сих пор нам действительно не в чем было его упрекнуть, – кивнул Полботинка. – Однако достаточно ему было разок встретиться с волком, как в нём заговорила волчья кровь.

– Брось, – вздохнул Моховая Борода. – Ты так долго висел на дереве вверх ногами, что у тебя все мысли перевернулись. Лицо Полботинка становилось ещё сумрачнее.

– Если честно, то я больше не могу доверять Муфте, – заявил он. – Нельзя знать наперёд, когда в нём вновь начнут бушевать волчьи страсти.

– И дальше? – спросил Моховая Борода. – Что ты ещё скажешь?

Полботинку было что сказать:

– Я был дураком, позволив Муфте заманить меня в этот лес. Теперь с меня хватит. Я прекрасно обойдусь и без Муфты. Меня ждёт море. Мне пора в путь.

Моховая Борода был окончательно сражён. Какая несправедливость! Разве Муфта заманил их в лес? Ничего подобного! Именно они с Полботинком захотели ехать лесом, Муфта же предпочитал шоссе. И в чём Муфта вообще виноват? Ни в чём. А Полботинка...

– Так я пошёл, – заявил Полботинка. – У меня есть ноги, вот я и пойду. Эта дурацкая Муфтина машина мне вовсе и не нужна.

– Ты просто рехнулся, – сказал Моховая Борода.

– Так я пошёл, – повторил Полботинка. – Ты идёшь со мной или нет?

– Нет, – отрезал Моховая Борода.

Как он мог бросить Муфту на произвол судьбы? Разве Муфта поступил бы так? Никогда! А Полботинка...

– Всего хорошего, – сказал Полботинка.

– Одумайся наконец! – воскликнул Моховая Борода. Но Полботинка ушёл. Просто взял и ушёл. Что это с ним случилось? Что всё это значило? Какой-то страшный сон...

– Полботинка! – крикнул Моховая Борода. Полботинка не ответил.

– Полботинка! – снова крикнул Моховая Борода. – Вернись!

В ответ тишина.

Моховая Борода подошёл к костру и стал его тушить. Эти доморощенные краеведы оставили горящий костёр. Моховая Борода затапывал костёр, а сам всё поглядывал в ту сторону, куда скрылся Полботинка. Огонь давно погас, а Моховая Борода всё ещё топтался на костре. У него не укладывалось в голове, что Полботинка так просто взял да ушёл. Но в конце концов он в это поверил. И тогда, тяжело вздохнув, он зашагал в лес.

Что случилось с Муфтой.

Что же случилось с Муфтой?

После того как краеведы опять запихнули его в рюкзак, Муфта прежде всего попытался заснуть. Он был измучен до предела, и хороший отдых был ему совершенно необходим, но сон не шёл. Никак не удавалось устроиться поудобней. Ему было тесно и душно. А мысль напряжённо работала всё в одном и том же направлении.

Итак, снова в рюкзаке... По-прежнему в плену у краеведов.

Неужели из этого мешка и впрямь невозможно выбраться?

Из палатки доносился храп краеведов, так что оттуда опасность пока не угрожала. Можно действовать. Но как?

– Воротник! – негромко позвал Муфта.

Воротник взвизгнул в ответ, но помочь своему хозяину ничем не мог. Рюкзак был завязан таким тугим узлом, что развязать его у собаки не могло хватить ни умения, ни сил. Воротник был всего-навсего собакой. Единственное, что он сейчас мог сделать, – это сидеть рядом и караулить.

Муфта стал шарить руками по рюкзаку. Рюкзак был сшит из прочного брезента. Теперь очень пригодился бы нож, такой плотный материал голыми руками не разорвёшь. Но у Муфты не было ни ножа, ни какого-нибудь другого острого предмета. Что же всё-таки делать? В таком материале и зубами дырку не прогрызть, это было бы не под силу даже самому настоящему волчьему приёмышу, всю жизнь точившему свои зубы о кости. А сидя в рюкзаке, никуда не убежишь. Или всё-таки?

Надо испробовать все возможности, решил Муфта и встал на четвереньки. Ну!

И представьте себе – ему удалось продвинуться на несколько шагов. Однако было ясно, что таким образом далеко не уйти. Может, к утру и удалось бы забраться подальше в лес, но там бы и пришёл ему конец. Там

его уже никто не найдёт и крика о помощи из плотного рюкзака не услышит. Итак, он останется в лесу.

Вдруг Муфта почувствовал, что ему стало гораздо теплее, чем раньше. Ага, костёр! Вслепую продвигаясь в мешке, он подобрался к костру. Надо быть осторожнее. Не то, глядишь, поджаришься вместе с рюкзаком...

И тут Муфту осенило. А что если воспользоваться огнём? Если попытаться пылающим угольком прожечь в рюкзаке дырку? Это было опасно, но ничего лучшего он придумать не мог.

Муфта приблизился ещё ближе к костру, и ему стало жарко. Однако другого выхода не было, приходилось терпеть.

Ещё несколько шагов...

Что это за странный запах? Ну да, запах гари. Ага! Дело идёт на лад. Только бы ненароком не вспыхнуть! Только бы самому не сгореть вместе с рюкзаком! Муфта закашлялся. Ну просто беда, дым! Стало трудно дышать, из глаз полились слезы, Муфта прекрасно знал, что от дыма можно и задохнуться. К тому же становилось всё жарче и жарче. Выдержать! Выдержать любой ценой.

И тут горячие угольки сделали своё дело! В рюкзаке образовалась дыра, дыра с пылающими краями. Муфта почувствовал, что дышать стало легче. Дырка быстро увеличивалась, но Муфта ещё не мог пролезть в неё.

Что это за звуки? Ну конечно, Воротник! Собака, повизгивая, прыгала вокруг костра. Она волновалась. Она тревожилась за Муфту.

– Не бойся, Воротничок! – между приступами кашля постарался успокоить собаку Муфта. – Сейчас всё будет позади.

Вскоре рюкзак был уже настолько прожжён, что Муфте удалось выбраться.

Свободен! Жив-здоров и свободен!

Муфте хотелось кричать от радости, но он боялся разбудить краеведов. К тому же очень скоро выяснилось, что ликовать ещё рано – Муфтина муфта в нескольких местах загорелась.

Нужна вода! Но воды не было.

О, беда! Разве Муфтина муфта мало пострадала от волчьих клыков? Муфтину муфту и без того достаточно трепали и рвали, а теперь, в довершение всего, её лизали прожорливые язычки пламени.

Какой ужас! Муфта уже решил было сбросить свою муфту, но тут словно какой-то таинственный голос шепнул ему на ухо: «Ложись!»

Правильно! И Муфта бросился на землю. Он стал кататься по земле, и огонь потух как по мановению волшебной палочки. Муфтина муфта была спасена. Даже пройдя через огонь, Муфта сумел остаться собой. Он

остался настоящим Муфтой, который и в самом трудном положении не бросит своей муфты.

Муфта без сил лежал на земле. Воротник подошёл к нему, радостно завилял хвостом и заботливо слизнул с его лица следы сажи.

Полнейшее блаженство... Как славно было бы теперь немного отдохнуть, хотя бы на несколько минут закрыть глаза и заснуть... Заснуть тут же, на голой земле... Совсем как Моховая Борода... Но всё-таки Муфта нашёл в себе силы отогнать эти пагубные мысли. Надо было как можно скорее уносить ноги от палатки, в этом не могло быть никаких сомнений.

Муфта собрал всю свою волю и вскочил на ноги. Глянул на рюкзак.

Почти полрюкзака сгорело. Вот так... Но ведь краеведы, увидев этот обгоревший пустой мешок, сразу поймут, что их пленник сбежал!

Немного подумав, Муфта принялся рвать траву. Потом оттащил рюкзак на старое место и набил его травой так, чтобы обгоревшее место оказалось снизу. Великолепно! Утром, когда краеведы вылезут из палатки, они сперва не заметят ничего особенного. Подумают, что волчий приёмщик спит крепким, глубоким сном. А он таким образом выиграет хоть немного времени.

Ну ладно. Муфта сделал всё, что в его положении можно было сделать.

– Пошли, Воротник!

Он зашагал в лес, следом весело бежал Воротник. Муфта, несмотря на смятение, всё время помнил о волчьем логове и старался идти в противоположную сторону. Он не хотел больше встречаться с волками.

Идти тёмным лесом удовольствие, конечно, небольшое. Пробирайся чуть не на ощупь, спотыкайся на каждом шагу и всё время опасайся, что ветка больно хлестнёт по лицу. По крайней мере, Муфте не надо было беспокоиться о том, что со спины на него набросятся волки. Вместо волков за ним следовал Воротник, его верный друг. А до тех пор, пока Воротник не станет проявлять беспокойства, у Муфты нет причин бояться. Хорошо, что он встретился с Воротником! Какое счастье, что у него такой верный и храбрый спутник!

Прошагав уже около двух часов, Муфта услышал впереди тихое журчание. Несомненно, это ручей! И только тут Муфта понял, что ему давно уже хочется пить. Он прибавил шагу.

О ручеёк, как звонко ты журчишь.

Меня ты скоро вдоволь напоишь.

Эти слова сами пришли Муфте в голову. Он пошёл ещё быстрее и вскоре оказался на берегу ручья. О, ручеек... Муфта лёг на живот и стал пить. Какая вкусная, какая освежающая вода! Воротник тоже с явным удовольствием лакал воду.

От этого ручейка была большая польза ещё и потому, что Муфте больше не надо было пробираться по лесу наугад. Теперь он знал, куда ему идти. Ведь именно от этого ручья начались его скитания, и теперь ручей должен указать ему путь. Он пойдёт к своей машине. Ручей не позволит ему сбиться с пути. Теперь уж он не заблудится!

Муфта решительно пустился в путь. Он знал, что по-настоящему отдохнуть ему пока нельзя. Стоило ему чуть подольше посидеть на месте, как его начинала одолевать усталость. Надо всё время идти. Раз-два, раз-два... Всё вперёд по берегу ручья, всё вперёд и вперёд!

Ночь отступала. Край неба становился светлее. То тут, то там на деревьях слышались птичьи голоса. И вдруг одна излучина ручья показалась Муфте очень знакомой. Ну конечно, здесь он проскакал через ручей верхом на волке.

Несмотря на смертельную усталость, Муфта побежал. Вокруг всё уже было ему знакомо. Ну, наконец-то!

Тропинка... Та самая тропинка, по которой они проезжали на машине. Где-то здесь, именно на этой тропинке, должен стоять его фургон...

Муфта побежал дальше. И вдруг споткнулся. Больно ушиб ногу. Что это за штука? Представьте себе, какое-то сверло! Брошено на краю дороги. Непонятно, кому здесь, в лесу, могло понадобиться сверло?

Но куда исчезла машина?

Муфта остановился и огляделся по сторонам.

Кострище... Неподалёку шалаш из веток. Но ведь раньше здесь никакого шалаша не было! Значит, кто-то его за это время соорудил. Ну, понятно! Этому «кто-то», видимо, нужно было зачем-нибудь и сверло. Устроив шалаш, в нём и ночевал. А поутру... поутру он уехал отсюда на машине.

Муфту охватило отчаяние. Машина! Ведь для него это был не только автомобиль, но и родной дом! И он стал также домом для Полботинка и Моховой Бороды. Кто знает, захотят ли Полботинка и Моховая Борода остаться с ним после того, как автомобиль – это значит дом – бесследно исчез.

Однако свинцовая усталость смягчила отчаяние Муфты. Так или иначе, но сейчас он был слишком изнурён для того, чтобы основательно обдумывать положение. Оставалось надеяться, что шалаш послужит ему неплохим убежищем и он сможет в нём чуточку вздремнуть. А уж потом он все хорошенько обдумает.

Муфта потоптался около шалаша. Где же вход?

А-а, вот где. В ветвях виднелось даже что-то вроде дверной ручки. Муфта отворил дверь. Вошел в шалаш. Темнота. Ему пришлось пробираться ощупью. Так-так. Кровать. Причём кровать подходящей длины, ему, Муфте, совсем впору. И мягкая. И как такую хорошую кровать могли бросить здесь?

Муфта тут же растянулся на кровати.

Воротник устроился возле него, но Муфта этого уже не заметил. Он храпел самым сладким в своей жизни храпом.

Радость и печаль.

Муфта начал просыпаться. Сон отступал медленно, и пережитые ночью события вспомнились ему не сразу. Но вдруг перед его мысленным взором возник шалаш. Тот самый шалаш, где он спал. Тот самый шалаш, где он должен был находиться и сейчас. И Муфта весь сжался от ужаса.

У него больше нет машины! Он стал одиноким и бездомным! У него не осталось ничего, кроме муфты, да и та изорвана и противно пахнет палёным.

За что судьба его так наказывает?

Муфта осторожно открыл глаза. Сумрак. Но, несмотря на сумрак, Муфта разглядел холодильник. Что это значит? Холодильник! Каким образом холодильник очутился в лесном шалаше?

По спине Муфты пробежали мурашки. Неужели? Неужели это правда? Муфта вскочил. Бросился к шкафу. Ну да, это шкаф, именно там, где он должен быть. Муфта выдвинул ящик и увидел письма. Это были его собственные письма, которые он писал сам себе!

Теперь всё ясно: шалаш вовсе не шалаш! Это фургон, его собственный фургон, только прикрытый ветками. И холодильник тоже был Муфтин. И кровать... Он спал в собственной кровати.

Какая радость! Небывалая, просто окрыляющая радость! Она наполнила не только сердце, она охватила всё его существо, до кончиков пальцев.

Муфта подошёл и открыл дверцу холодильника. Прекрасно, кружок колбасы и несколько творожных сырков. И бывает же такое везение!

Разделив круг колбасы с Воротником и закусив на сладкое творожными сырками, Муфта вышел из машины.

Был уже полдень. Солнце сияло высоко в небе, и осенний лес весело

сверкал в его лучах.

Солнечные лучи, наверно, согревают сейчас и море, подумал Муфта. Но, увы, он не имел представления, когда наконец сможет попасть к морю. Где Полботинка и Моховая Борода? Следует ли ему ждать их здесь или завести машину и ехать искать друзей в лесу?

Ждать, конечно, проще. Проще и удобнее. Но в глубине души Муфта был твердо уверен: в конце концов он всё равно отправится на поиски. Он жаждал деятельности, а искать – это значит действовать. Сейчас он был слишком взволнован и слишком тревожился за судьбу своих друзей, чтобы просто сидеть и ждать.

К тому же, когда волк унёс его, разве могли Моховая Борода и Полботинка сидеть сложа руки и ждать? О, нет, как раз наоборот. Они искали его. Они даже его нашли. И наверно, они все втроём сейчас нежились бы у моря на прибрежном песке, если бы в дело не вмешались краеведы. Полботинка и Моховая Борода вовсе не бросили его на произвол судьбы. Полботинка даже рисковал своей жизнью, чтобы вызволить его из волчьего плена. Ах, милый, славный Полботинка! Ах, милый, славный Моховая Борода! Ах, милые, дорогие друзья, где-то вы теперь?

Муфта сбросил с машины ветки и поспешно сел за руль.

– Поехали, Воротник!

Воротник завилял хвостом, соглашаясь с хозяином, и Муфта завёл мотор. Машина потихоньку тронулась с места. Муфте приходилось сдерживать себя, чтобы не слишком сильно жать на газ. Не торопиться! Ехать надо медленно и разумно! Если он будет торопиться, то не сможет внимательно смотреть по сторонам, в спешке он может запросто проскочить мимо Полботинка и Моховой Бороды, даже не заметив их.

Муфта то и дело останавливал машину, давал длинные гудки, а потом внимательно прислушивался. Тишина. Всё время тишина. Но Муфта не унывал. Автомобильный сигнал слышен дальше, чем крик, думал он. Вполне возможно, что друзья слышат его сигнал, а он их голосов не слышит. Надо набраться терпения. И главное – не торопиться!

Он продолжал путь.

Только бы на автомобильный сигнал не прибежали краеведы! Да что это за краеведы, если они его, Муфту, приняли за волчьего питомца! Прямо смешно! У этих краеведов, должно быть, здорово развито воображение. Неужели воображение может настолько ослепить человека, что он начинает видеть лишь то, что ему непременно хочется увидеть? Может, так оно и есть. Но он, Муфта, просто горит желанием встретить Моховую Бороду и Полботинка, но не видит ничего, кроме убегающей вдаль пустынной

тропы. Если воображение действительно может творить чудеса, то пусть за следующим поворотом дороги покажется хоть один из его дорогих друзей. И даже если он будет знать, что это чистейшая игра воображения, всё-таки он страшно обрадуется.

Но вот машина подъехала к повороту. Муфта сбавил скорость. Ведь повороты всегда опасны, даже если ехать медленно, потому что никогда нельзя знать наперёд, что там, за поворотом. Ну вот. Поворот благополучно завершён.

И вдруг скрипнули тормоза.

Муфта побледнел. Руки судорожно сжали руль. Он был потрясён силой своего воображения.

До чего же правдоподобная картина!

Впереди, шагах в десяти от него, на дороге стоял Моховая Борода. Стоял как живой. Как на самом деле. Совсем как настоящий Моховая Борода.

Муфта сидел за рулём не шевелясь и ни на секунду не отрывал взгляда от Моховой Бороды. Ну точно он! Кто бы мог подумать, что воображение обладает такой силой! Это же просто сверхъестественное явление!

Моховая Борода улыбался радостно и в то же время как-то печально.

Муфта уже совсем оправился от первоначального испуга и улыбнулся Моховой Бороде. В его улыбке тоже светились и радость и печаль. Он был рад, что может смотреть в лицо друга.

И он был опечален потому, что боялся, вдруг этот воображаемый образ сейчас исчезнет.

А может быть, ему удастся настолько напрячь своё воображение, что Моховая Борода так и будет стоять у него перед глазами? Может быть, сила мысли в состоянии превратить видение в реальность? Если бы Моховая Борода подошёл... Подошёл бы и сел в машину... Заговорил бы с ним... Если бы он, Муфта, этого очень-очень захотел, может быть, это оказалось бы возможным?

Едва Муфта успел об этом подумать, как Моховая Борода начал приближаться к машине.

Муфта ликовал. Сила мысли помогла. О, милый Моховая Борода! О, дорогой друг!

Моховая Борода подошёл к машине. Он поднял руку. И дверца машины отворилась.

Дверца отворилась! Муфта был в полном замешательстве. Разве воображаемый образ в состоянии открыть автомобильную дверь? Пожалуй, нет. Воображаемый образ просто проник бы сквозь закрытую дверь. Но

ведь дверь-то была распахнута, и Моховая Борода залез в машину.

– Наконец-то, – сказал Моховая Борода. – А я уже было потерял всякую надежду!

– Я тоже, – сказал Муфта.

– Это была хорошая мысль – посигналить, – продолжал Моховая Борода. – Иначе едва ли нам удалось бы встретиться.

Муфта молчал. Теперь наконец он понял, что перед ним не кто иной, как самый настоящий Моховая Борода. Это был не воображаемый образ, а подлинный Моховая Борода, из плоти и крови. Но он убедился в этом окончательно, лишь когда крепко обнял друга.

– Бедный Муфта, – сказал Моховая Борода, поглаживая изодранную муфту Муфты. – Ты столько пережил.

– Теперь уже ничего, – скромно сказал Муфта. – А где Полботинка?

Моховая Борода уклонился от ответа.

– Может, поедем дальше? – тихо сказал он. Но Муфта встревожился.

– Разве вы с Полботинком не были вместе? – спросил он. – Может быть, с ним что-то случилось?

– Сначала были вместе, – пробормотал Моховая Борода. – А потом...

Он был просто не в состоянии сказать Муфте правду. Не мог же он так прямо заявить, что Полботинка считает Муфту волчьим приёмывшем и поэтому решил их покинуть. Для бедного Муфты это стало бы слишком большим ударом.

– А потом? – взволнованно спросил Муфта.

– Потом мы расстались.

В голосе Моховой Бороды звучали какие-то чужие нотки, и это

насторожило Муфту. Его волнение не уменьшилось, а, скорее, возросло.

– Почему вы расстались?

– Потому, что...

Моховая Борода не мог найти слов.

– Ну, прошу тебя! – воскликнул Муфта. – Не скрывай от меня ничего. Моё сердце чует недоброе, а неизвестность просто сводит с ума.

– Во всяком случае, когда мы расстались, Полботинка был жив и здоров, – пытался Моховая Борода успокоить Муфту. Моховая Борода был в замешательстве.

– Давай поедem дальше, – беспомощно сказал он. – Это сложная история, в которой я и сам толком не разобрался.

Муфта дал газ, но на душе у него было по-прежнему тяжело. Как это возможно, что Моховая Борода и Полботинка расстались, но по-настоящему сами этого не понимают? Здесь что-то не так.

Спустя некоторое время Муфта снова начал сигналить.

– Пожалуй, нет смысла гудеть, – сказал Моховая Борода. – Я не думаю, что Полботинка где-то поблизости.

– Но где же он? – упавшим голосом спросил Муфта. – Куда он пошёл? Что случилось? Я же чувствую, ты от меня что-то скрываешь!

Моховая Борода вздохнул. Теперь наконец он понял, что нельзя так мучить Муфту. Неизвестность и впрямь может быть тяжелее, чем самая горькая правда.

И он сказал:

– Полботинка один отправился к морю. Он ушёл от нас.

– Как? – воскликнул Муфта.

Он вдруг совсем потерял самообладание. В растерянности он выпустил руль из рук. До конца выжал газ.

– Что ты сказал?! – снова крикнул он.

И тут случилось нечто ужасное. Машина, как взбесившийся зверь, на полном ходу соскочила с дороги. Мотор ревел. Трещали кусты. Всё содрогалось и вертелось.

И вдруг – остановка. Накрепко заклиненная между двумя деревьями, машина стала как вкопанная.

– Извини, пожалуйста, – тихо сказал Муфта.

Как это ни странно, испуг вернул ему душевное равновесие.

– Извини, пожалуйста, – повторил Муфта. – Но то, что ты сейчас сказал...

Моховая Борода прервал его:

– Не надо ничего объяснять. Я понимаю.

– Придётся дать задний ход, – сказал Муфта.

По счастливой случайности, мотор уцелел. Муфта дал задний ход. Однако – что ты сделаешь! – машина и не думала трогаться с места. Колёса завертелись на одном месте – и всё тут. Муфта попытался ехать вперёд. Та же история. Было ясно, что просто мотором их с места не сдвинуть.

– Я пойду подтолкну, – сказал Моховая Борода. Муфта был здорово озабочен.

– Пожалуй, без этого не обойтись. – кивнул он. Но, едва взглянув на дверь, Моховая Борода понял, что передние двери открыть невозможно! Обе двери снаружи были зажаты стволами деревьев.

Но всё-таки, к счастью, оставался ещё один выход. Моховая Борода бросился к задней двери. Нажал на ручку. Но и эта дверь не открывалась. По-видимому, фургон, когда он вылетел с дороги, так сильно трянуло, что дверной замок испортился. Моховая Борода упёрся плечом в дверь. Надавил изо всех сил. Никакого результата.

– Попробуй опустить одно из окон, – посоветовал Муфта. Моховая Борода попробовал. И опять напрасно! Стенки машины возле окон были настолько помяты, что ручки, с помощью которых можно опускать оконные стёкла, вообще невозможно было повернуть.

– Давай разобьём ветровое стекло, – предложил Моховая Борода. Муфта покачал головой.

– Это нам не удастся, – сказал он. – Все окна сделаны из небьющегося стекла. Но, к счастью, у нас имеется добротное сверло, вот мы с тобой и высверлимся через железные стены машины.

Он тут же принялся искать сверло в ящике с инструментом, но некоторое время спустя крикнул:

– Исчезло! Пропало!

И тут Моховая Борода вспомнил:

– Ведь этим сверлом Полботинка высверливал в бидоне дырки, когда мастерил себе латы, – сказал он. – Чтобы защититься от волков.

Муфта вспомнил о сверле, о которое он ушиб ногу. Ясно. Полботинка забыл сверло в траве, всё объясняется очень просто. И тут Муфта посмотрел туда, где обычно стоял бидон с запасом воды. Бидона не было. Из этого бидона Полботинка сделал себе жестяные латы...

– Итак: сверла у нас нет, – мрачно сказал Муфта. – И к тому же у нас

нет ни капли воды.

Теперь им обоим стала ясна вся серьёзность положения. Не оставалось ничего другого, как ждать и надеяться, что какой-нибудь случайный путник вдруг набредёт на них. Давать время от времени сигнал – вот всё, что они могли теперь предпринять для своего спасения.

Они посмотрели друг на друга. Какая беда! Какое ужасное несчастье!

Смерть стучится в окно.

– У меня в горле совсем пересохло, – пожаловался Муфта. – А воды ни капельки.

Моховая Борода сказал:

– Моя борода без воды стала настолько ломкой, что, того и гляди, отвалится.

К тому же с голоду они так опустошили эту высохшую бороду, что в ней осталось всего четыре брусничинки. Моховая Борода выбрал две ягодки и одну дал Муфте.

– Осталось ещё две, – сказал он. – Каждому по одной. Они лежали рядышком на Муфтиной кровати, уже потеряв счёт времени. С каждым часом их самочувствие становилось всё хуже и хуже. Они совсем ослабели. Даже разговаривать было трудно, но всё-таки время от времени они пытались заговорить.

– Образно говоря, старуха с косой скоро постучится в окно, – вздохнул Моховая Борода.

– Пожалуй, что так, – согласился Муфта. – Сначала из вежливости постучится, а потом зайдёт без разрешения. Уж для неё-то автомобильная дверь не преграда, она пройдёт хоть сквозь неразбитое стекло.

Какое-то время они лежали молча. Им ничего больше не оставалось, как лежать и ждать роковой минуты, когда смерть придёт и расправится с ними.

Все попытки выбраться из фургона оказались напрасными. Ни одним из находившихся в машине инструментов им не удалось разобрать двери, а небьющиеся окна не разбивались даже ударами обуха топора. Муфта несколько раз дал сигнал, но, как видно, тревожных звуков гудка никто не услышал.

– Интересно, где нас похоронят? – снова заговорил Муфта.

– Я хотел бы, чтобы моя могила была в лесу, – сказал Моховая Борода. – И ещё хотелось бы, чтобы на могиле рос олений мох. Это самый прекрасный памятник, какого только можно пожелать.

– Правда? – удивился Муфта.

– Он стал бы выражением непрерывного круговорота, происходящего в природе, – продолжал Моховая Борода. – Ты только представь себе: борода сгниёт, но, превращаясь в землю, будет питать новый, растущий мох. И быть может, настанет день, когда кто-то заварит этот мох как чай и избавится от кашля.

– А меня можно бы похоронить вместе с машиной, – сказал Муфта. – Тогда и гроба не надо. А на могиле написать: «Здесь в вечном одиночестве покоится Муфта».

Стоило Муфте упомянуть об одиночестве, как ему стало ужасно жаль себя и в уголках глаз набежали две крупные слезы.

Моховая Борода испуганно воскликнул:

– Нельзя, чтобы слезы пропадали впустую! Ведь ты расходуешь воду!

Муфта подождал, пока слезы скатятся по щекам, и попытался поймать их языком.

– Самое страшное в смерти – это одиночество, – сказал он.

– Быть может, нас вовсе не найдут, – сказал Моховая Борода. – Тогда нас и не похоронят. Тогда мы оба будем здесь спать вечным сном и из твоего одиночества ничего не получится.

Муфта понял, что Моховая Борода старается обернуть его грусть в шутку, но ему сейчас было вовсе не до шуток. Он обиженно сел.

Воротник подошёл к Муфте и положил голову ему на колени.

– Бедный Воротничок, – сказал Муфта, поглаживая собаку. – Ты связал свою судьбу с моей и видишь, что из этого вышло. По моей вине и тебе грозит смерть.

Муфту вдруг охватило мучительное раскаяние. Воротник ему доверился, понадеялся на него. А он... Ведь он несёт ответственность и за жизнь этой собаки!

Едва лишь Муфта подумал об ответственности, как почувствовал прилив свежих сил. Всё-таки нельзя добровольно поддаваться смерти! Он встал с кровати и сел за руль.

Ту-ту-ту... туу-туу-туу... ту-ту-ту.

Муфта давал сигнал бедствия. Три коротких, три длинных, и ещё три коротких.

И снова:

Ту-ту-ту... туу-туу-туу... ту-ту-ту.

Но и на этот раз никто не отозвался, и вскоре Муфта опять впал в уныние. Неужели и впрямь ему придётся оставить этот мир в расцвете лет, в расцвете сил и способностей?

Мысли Муфты невольно обратились к прошлому, и он внутренним взором увидел себя маленьким Муфтой-ребёнком, сидящим на коленях седомуфтой муфты-бабушки. Ах, да... Точно так он выглядел на одной старой фотографии! Муфта уже давно не листал своего старого альбома, и теперь ему вдруг очень захотелось посмотреть его. Он вернулся к кровати, приподнял край матраца и вытащил из-под него большой альбом в яркой обложке.

– Хочешь, Воротничок, взглянуть на мои карточки? Собака, тронутая вниманием хозяина, завиляла хвостом. Муфта сел за стол, а Воротник прыгнул к нему на колени.

– Ну вот, смотри, – сказал Муфта, открывая альбом. – Это семейная фотография. Вот мои мать и отец, дедушка и бабушка и ещё один дедушка и ещё одна бабушка. У всех нарядные муфты. А этот крошечный цыплёнок на руках у мамы – я сам. Эта фотография сделана вскоре после моего рождения.

Воротник удовлетворённо тявкнул.

– Я здесь довольно хорошенький, не правда ли? – сказал Муфта. – У меня ещё и волос-то на голове почти нет, а муфта на мне не меховая, а из мягкой фланели.

Моховая Борода кашлянул.

– А мне можно посмотреть твои детские фотографии? – приподняв голову с подушки, с любопытством спросил Моховая Борода.

– Пожалуйста, – ответил Муфта, но в его голосе явно звучала недавняя обида. – Я ведь не запрещаю. Но и не навязываюсь. Во всяком случае, тебе не стоит беспокоиться, если это просто из вежливости.

– Ну что ты, – дружелюбно пробормотал Моховая Борода. – Твои фотографии меня очень интересуют.

Он встал, подошёл к столу и из-за плеча Муфты принялся смотреть альбом.

Муфта тем временем перевернул страницу.

– А здесь я в детской коляске, – пояснил он. – А тот, кто везёт коляску, – мой дедушка. По рассказам, он часто со мной гулял, потому что из всей семьи у него было больше всего свободного времени. И во время прогулок он всегда читал мне стихи.

– Значит, вот откуда у тебя и поэтический дар! – воскликнул Моховая Борода. – Раз ты уже в раннем детстве слушал стихи, то стихотворные рифмы, образно выражаясь, у тебя в крови!

– Возможно, что и так, – не стал спорить Муфта. – Я как-то об этом не думал.

Некоторое время они молча рассматривали фотографии.

– А это тот же дедушка в молодости, – говорил Муфта, продолжая перелистывать альбом. – Это свадебная фотография дедушки и бабушки. Дедушка сидит, а бабушка стоит, ласково положив руку на его плечо.

– Какая милая фотография, – растроганно сказал Моховая Борода. – И какая красивая белоснежная муфта на твоей бабушке!

– Это свадебная муфта, – улыбаясь, объяснял Муфта. – Сшита из шкуры белого медведя.

Он опять перевернул страницу.

– Здесь я уже немного постарше. Мы с отцом на рыбалке... А это новогодняя фотография. Вся счастливая семья сидит у новогодней ёлки.

– Какое милое семейство! – тихо сказал Моховая Борода. И вдруг добавил почти крича: – Ах, дорогой мой Муфта! Почему ты достал этот альбом только теперь! Почему ты никогда не показывал его Полботинку!

Муфта поднял голову и в недоумении уставился на Моховую Бороду.

– Полботинку? – повторил он. – Просто не было случая. Но почему эти фотографии так тебя взволновали? В них ведь нет ничего особенного.

– Ты думаешь, что нет?

Моховая Борода взволнованно ходил взад и вперед. Но вдруг остановился и выпалил:

– Если бы Полботинка увидел эти фотографии, то он никогда не стал бы считать тебя волчьим приёмным!

– Волчьим приёмным? – удивился Муфта. – Волчьим приёмным меня считали краеведы. А Полботинка...

Моховая Борода тяжело вздохнул и сказал, присаживаясь на край кровати:

– И он тоже.

Альбом задрожал в руках Муфты и с грохотом упал на пол.

– Я не хотел тебе об этом говорить, – угрюмо продолжал Моховая Борода. – Но теперь, когда я увидел твои семейные фотографии, эти слова вырвались у меня сами собой. Да, и Полботинка тоже... Он слышал рассуждения краеведов. И вбил себе в голову, что ты вырос среди волков, что с тобой...

Моховая Борода замолчал. Не слишком ли он далеко зашёл?

– Что со мной? – тихо спросил Муфта. – Что со мной опасно водиться? Не так ли?

– Примерно так, – ещё тяжелее вздохнул Моховая Борода. – Перед лицом смерти я не стану ничего скрывать. Примерно так он и сказал.

– Потому и ушёл?

– Потому и ушёл.

Воцарилась тяжёлая тишина. Даже Воротник понял, что случилось что-то плохое, и ласково лизнул Муфту в лицо. А Муфта чувствовал, что его силы вновь убывают. Он уже был не в состоянии нести ответственность за Воротника, да и вообще за что бы то ни было. Он был для этого слишком расстроен. Альбом с фотографиями всё ещё валялся на полу. Муфта опустился на кровать и спрятал голову в подушку.

Моховая Борода тоже почувствовал, как у него слабеют руки и ноги. Голод и жажда мучили его по-прежнему, но теперь к этому добавились душевные муки. Правильно ли он поступил, рассказав обо всём Муфте? Быть может, он всё-таки должен был промолчать? Но ведь правда сорвалась с его губ невольно. Перед лицом смерти... Не должен ли он был даже перед её лицом скрыть от Муфты правду?

Моховая Борода не находил ответа. Но так или иначе, он уже сказал правду, и теперь ничего нельзя поправить. Он подошёл и лёг рядом с Муфтой. Муфта тихонько всхлипывал, и, когда Моховая Борода слышал эти всхлипывания, сердце у него сжалось от жалости. Он собрал из бороды последние ягодки и протянул Муфте.

– Возьми, пожалуйста.

Больше ему нечего было предложить несчастному другу. И в бороде уже не осталось ни одной ягоды.

– Спасибо, – сказал Муфта и, продолжая всхлипывать, сунул ягоды в рот.

Моховая Борода лежал и думал: сколько же ещё? Сколько ещё может так продолжаться?

И вдруг:

Тук-тук-тук!...

Муфта перестал всхлипывать.

И снова:

Тук-тук-тук!...

«Вот наконец и смерть явилась, – подумал Моховая Борода. – Стучится в окно. Сейчас войдёт...»

Он закрыл глаза и стал напряжённо ждать.

Полботинка сбивается с пути.

Когда Полботинка попрощался с Моховой Бородой и ушёл от палатки краеведов, он был полон решимости начать новую, самостоятельную жизнь.

«В конце концов, я всё-таки личность, – думал он. – Почему я должен вечно плестись у кого-то в хвосте? Я и один прекрасно проживу, и уж во всяком случае лучше, чем вместе с так называемыми накситраллями».

– Полботинка! – донёсся до него призывный крик Моховой Бороды. Но ожесточённый Полботинка не отозвался и, не замедляя шага, пошёл дальше.

Если Моховая Борода во что бы то ни стало хочет провести свою жизнь с волчьим приёмом, пожалуйста, он вмешиваться не станет. Ведь у Моховой Бороды вообще очень странные вкусы. Он любит общаться с гадюками, с волчьими выкорышами и так далее. А он, Полботинка, не имеет никакого желания связываться с подобным обществом. Он выбрал другой, самостоятельный путь.

– Полботинка! – снова позвал Моховая Борода.

Но Полботинка не ответил. Он сделал выбор. Благодаря краеведам у него открылись глаза, благодаря им он увидел Муфту насквозь. Волчий приём, вот именно. Уж краеведы-то разбираются в этих делах. Теперь, задним числом, Полботинку казалось даже странным, что он сразу не догадался о Муфтином происхождении. Ещё неизвестно, из чего сделана его муфта...

Нет и ещё раз нет, думал Полботинка. Ему, Полботинку, Муфта не нужен. Ни Муфта, ни Моховая Борода. Он и один проживёт. Ведь он не Муфта, чтобы от одиночества проливать слезы. Кто знает, откуда у Муфты это чувство одиночества? Наверное, оттуда же... Из волчьего логова.

Наверное, это так называемое чувство стаи у него в крови, уж не иначе. Когда тебя подгоняет такое чувство, то, конечно, не захочешь жить самостоятельно.

До сих пор Полботинка шёл наугад. Но теперь он остановился, чтобы поточнее определить направление. В какой стороне море? По-видимому, впереди. Именно к морю он и направился. Купит пару бутылок хорошего шипучего лимонада, зароется в песок и время от времени станет отхлёбывать глоточек, в крайнем случае два. Великолепно. Лимонад шипит, море шумит. Настоящий отдых. Такой отдых он давно уже заслужил. Солнце, воздух, песок, вода и лимонад! Что ещё можно пожелать?

Полботинка продолжал путь.

Пустой желудок всё время давал о себе знать. На море можно, конечно, и рыбку половить. Совсем не плохо будет отведать жареной рыбки. Так-то так, но до моря, видимо, ещё далековато, а в лесу рыба не клюёт. В лесу приходится довольствоваться дарами леса.

Подумав об этом, Полботинка взглянул на землю, чтобы поискать лесные дары, и тут же вскрикнул. Гадюка! Ядовитая змея извивалась прямо у его ног. Ещё немного – и он наступил бы на неё. Всего один шаг, и тогда... И тогда змея несомненно ужалила бы его босые ноги. И что бы с ним после этого стало? Один-единёшенек в лесу, ужаленный змеей! Ужас!

«Надо немного перевести дух», – подумал Полботинка. От пережитого испуга у него ослабели ноги и сильно колотилось сердце. Он оглянулся по сторонам и неподалёку, среди разросшейся травы, увидел хороший гладкий пень. Прекрасно. На этом пне он и посидит, соберётся с силами, обдумает дальнейшее направление.

Но, подойдя к пню, Полботинка едва сдержал крик. Снова гадюка! Свернулась кольцом на пне, греется на солнце. Полботинка охватила дрожь. Почему именно ему, Полботинку, всё время попадаются змеи? Пусть бы они искали Моховую Бороду. Ведь Моховая Борода их лучший друг. Кто знает, что он теперь делает? Нашёл ли уже Муфту? Однако какое ему, Полботинку, до этого дело? У него теперь свои заботы.

Полботинку расхотелось отдыхать. Гадюки на каждом шагу, какой уж тут отдых? А есть всё-таки хочется.

Он пошёл дальше и вдруг заметил, что земля под ногами словно бы колеблется. «Похоже, я совсем изнурён от голода, – подумал он. – Наверное, голова кружится. Надо немедленно что-нибудь съесть...»

И как по заказу, Полботинка увидел впереди аппетитные переспелые ягоды. Он таких раньше никогда не встречал. Какое счастье, что птицы ещё не успели их склевать. Похожи на ежевику, только жёлтые. Он наклонился

и попробовал одну ягодку. Она таяла во рту, как мёд. Ура! Голодать не придётся!

Он ел и ел. Здорово! Он просто утопал в блаженстве. И с каждой съеденной ягодой настроение всё улучшалось и улучшалось. Что за ягоды! До чего сладкие, сочные! Какое удовольствие! Как жаль, что Моховая Борода и Муфта не могут отведать таких ягод. Что, если набрать их для Моховой Бороды и Муфты?

Но ведь он бросил Моховую Бороду и Муфту! Неужели это и в самом деле возможно? Как смог он выкинуть такой нелепый номер? Какая чушь!

Полботинка утолил голод. Ну, а дальше что? Немного подумав, он свернул из лопуха большой кулёк и стал собирать в него ягоды. Небольшой запас всегда пригодится.

Так, значит, Муфта – возможно, волчий приёмьш? Ну и что из этого? Будь Муфта чей угодно приёмьш, главное, что он – Муфта. А в том, что Муфта – это Муфта, никаких сомнений быть не может. Кстати, и сам Полботинка никогда не был воспитанником ангелов. Как раз наоборот. Стрелял из рогатки куда попало. А если хорошенько подумать, если уж по чистой правде, то из Муфты, из этого волчьего приёмьша, получился куда более добрый парень, чем из него самого.

И тут у Полботинка созрело решение: он должен как можно скорее разыскать Муфту и Моховую Бороду.

Волчий приёмьш?! Да разве такая мелочь может кого-нибудь смутить? Да ничуть! Все они накситралли, все трое, у каждого свои странности и свои особенности.

Кулёчек наполнился до краёв. Этими замечательными ягодами надо непременно угостить и Муфту, и Моховую Бороду. Надо только постараться самому не съесть их по рассеянности.

Однако непонятно, земля под ногами по-прежнему колеблется. Ведь он теперь не голоден. Почему же продолжает кружиться голова? Странная история...

И вдруг Полботинка понял – земля в самом деле колебалась. При каждом его шаге почва тихонько покачивалась. Он забрёл в болото!

Так и есть, вода проступает между пальцев. Болото. И гадюки! Где же ещё, как не в болоте, гадюкам и ползать! И эти необыкновенно вкусные ягоды... Уж не морошка ли это, о которой рассказывал Моховая Борода, когда они, перед тем как заехать в лес, изучали карту? Несомненно, это морошка. По словам Моховой Бороды, морошка растёт, главным образом, на болотах...

Теперь Полботинка вспомнил ещё кое-что. Муфта говорил, что с

одного края леса море, а с другого – болото. Значит... Надо же быть таким олухом! Полботинка догадался, что он перепутал направление и вместо того, чтобы идти к морю, угодил как раз в болото. В любом порядочном болоте обязательно найдутся и трясины, бездонные трясины, с неумолимой силой засасывающие свои жертвы.

Полботинка решительно повернул назад и пошёл обратно по пройденной уже дороге. Почва стала посуше и перестала колебаться. Или всё-таки немного колебалась? Что же это такое? Теперь у Полботинка и в самом деле кружилась голова от усталости и от бессонницы. Походка стала неуверенной, его просто качало. Глаза невольно смыкались.

«Что слаще мёда?» – вспомнилась Полботинку старинная загадка. Но он был настолько сонным, что никак не мог припомнить разгадку. Не выбирая места, он лёг на землю и положил голову на первую попавшуюся кочку. Он даже не заметил, как изящная гадюка с пёстрой спинкой выползла из-под этой кочки и испуганно скрылась. Он блаженно вздохнул и тут же погрузился в глубокий сон.

Когда Полботинка наконец проснулся, он долго не мог сообразить, утро сейчас или вечер. Но солнце понемногу поднималось над деревьями, так что в конце концов он понял, что день ещё впереди. По-видимому, он проспал почти сутки. Или двое? Где уж тут разобраться, время так здорово запуталось. Он достал из кулёчка и сунул в рот несколько ягод морошки и слегка утолил голод. А теперь – в путь!

Сон превратил Полботинка словно бы в нового накситралля. Он ощущал в ногах свежие силы, мысли у него были ясные, настроение бодрое. Где Моховая Борода? Где Муфта? Теперь им недолго скрываться от

него. Он их разыщет, и очень скоро. И тогда они все трое будут опять вместе.

Полботинка всё шёл и шёл. Светило солнце, пели птицы, а Полботинка просто сгорал от нетерпения увидеть Муфту и Моховую Бороду. Но некоторое время спустя ему пришло в голову, что в этом огромном лесу совсем не так просто найти своих друзей. Да и в лесу ли они сейчас? Может быть, лежат себе на прибрежном песке у самого моря и больше уже не вспоминают о нём, Полботинке? Ну нет, как же так... Он прибавил шаг. Вперёд, вперёд! Иногда он останавливался и звал друзей по имени. Ничего. Только лес шумит.

Настал полдень, затем послеобеденное время, потом в воздухе почувствовалась предвечерняя прохлада. А Полботинка по-прежнему всё шёл и шёл по лесу, хотя понятия не имел, где искать своих дорогих друзей.

И тут он вдруг остановился.

Ту-ту-ту, туу-туу-туу, ту-ту-ту!

Уж не гудит ли у него в ушах? Нет, это не то. Неужели ему послышалось? Автомобильный гудок пел морзянкой сигнал бедствия.

И такой знакомый звук!

Ту-ту-ту, туу-туу-туу, ту-ту-ту!

Да, никакого сомнения. Муфтина машина! Такой звук только у Муфтиного гудка. Теперь Полботинка постарался запомнить приблизительное направление. Крепко прижимая к груди кулёк из лопуха, он побежал в ту сторону, откуда доносились сигналы бедствия. Ветки хлестали его по лицу. Но он не обращал на это ни малейшего внимания. От быстрого бега у него закололо в боку. Но и на это не отреагировал. Он бежал.

Почему они подают сигнал бедствия? Неужели опять волки? Или краеведы? Или что-нибудь ещё хуже? Ведь лес полон неожиданностей. Полботинка задыхался от быстрого бега. Вперёд!

Только бы машина не успела выехать из леса. Нет, этого, наверное, не следует опасаться. Должны же терпящие бедствие понимать, что машину легче найти, если она стоит на месте. Сигналов бедствия больше не было слышно. Но бежит он, кажется, в правильную сторону...

Полботинка выбежал на тропинку. Ну вот. Надо было раньше догадаться, что машина должна быть на тропинке. Но в какую сторону она свернула? Трудно угадать.

Вдруг у Полботинки подкосились ноги – он взглянул в сторону от тропинки. Муфтин фургон! Беспомощно зажатый двумя деревьями!

Полботинка бросился к машине. Схватился за ручку задней двери.

Дверь не открывалась. Он постучал в окно. Тишина. Он постучал снова. Опять тишина. Он склонился к окну и заглянул внутрь. И тут вдруг радостно залаял Воротник.

Спасение.

Моховая Борода и Муфта слышали лай Воротника как сквозь сон.

– Ну, хватит, наконец, – заворчал Моховая Борода. – Не даст, чертяка, и умереть спокойно.

Но Воротник продолжал тявкать, причём довольно весело, словно бы смерть была его лучшим другом.

Стук повторился. Теперь он звучал гораздо настойчивее.

Муфта открыл глаза. Выглянул в окно. И не поверил своим глазам.

– Полботинка!

В следующее мгновение он уже стоял возле кровати, Моховая борода тоже вскочил на ноги. Никакого сомнения – это действительно был Полботинка! Из окна на них смотрело его милое лицо, на котором можно было прочесть и радость и тревогу одновременно. Ах, дорогой, славный, навсегда верный друг! Как вовремя ты явился!

Но, к несчастью, Муфта и Моховая Борода могли видеть своего друга лишь через небьющееся стекло. Рукопожатия пришлось отменить, не говоря уж об объятиях. И для Полботинка окна и двери были закрыты – войти в машину было так же невозможно, как и выйти из неё.

Что делать?

Муфта сел за руль.

– Толкай! – крикнул он Полботинку. – Толкай посильнее! Я дам задний ход.

Полботинка, конечно, не был выдающимся силачом, но иногда достаточно и малого, чтобы дело пошло на лад. В горах, например, даже возглас может обрушить лавину снега, а голос у Полботинка был довольно сильный, несмотря на его тщедушное сложение.

Мотор взревел. Полботинка, разумеется, сразу понял, чего от него ожидают. Он положил кулёк с ягодами на траву и побежал к носу машины. Налёг плечом на машину. А ну, взяли...

Мотор ревел, словно обезумев. Но машина не двигалась с места. Зажавшие её деревья были сильнее, чем мотор и Полботинка, вместе взятые. Задние колёса вертелись на месте. За фургоном поднялось облако пыли. И только.

– Не берёт, – вздохнул Муфта и выключил мотор. Но Полботинка не отчаивался. Он огляделся по сторонам, нашёл неподалёку два плоских камня, подложил их под задние колёса и крикнул Муфте:

– Дай газу!

Они предприняли ещё одну попытку. Полботинка толкал машину что было сил, а Муфта старался выжать из мотора побольше оборотов.

– Давай, жми! – кричал Муфта.

А Моховая Борода кричал в свою очередь:

– Нажимай, дружище, нажимай!

Хотя Полботинка за рёвом мотора не слышал ни слова, но он и сам понимал, надо толкать машину что есть мочи. Изо всех сил. На лбу у него выступили капли пота. Полуголые ступни зарылись глубоко в землю. Кости трещали от нечеловеческого напряжения. И всё-таки машина не трогалась с места. Деревья не поддавались.

– Ничего не выходит, – сказал Муфта и выключил мотор. И тут вдруг Моховая Борода сказал:

– А сверло! Стальное сверло! Ведь Полботинка может его принести!

Муфта шлёпнул себя ладонью по лбу.

– Конечно! Ведь он-то может за ним сбегать... На его лице появилась широкая улыбка, и он закричал Полботинку:

– Принеси сверло! Оно там, ну... там, где ты его бросил! Полботинка услышал и на минутку задумался. Ах, да! Теперь он вспомнил. Когда он изготовил жестяные латы, то пришёл в такой восторг от своего мастерства, что забыл убрать сверло на место. Конечно, непростительная небрежность, но теперь она пришлась к стати.

– Ясно! – крикнул Полботинка. – Будет сделано!

И пошёл. Бежать он, правда, не мог, но шёл настолько быстро, насколько ещё оставалось сил. И вскоре скрылся с глаз Муфты и Моховой Бороды.

– Снова придётся ждать, – вздохнул Моховая Борода. Появление Полботинка их на какое-то время взбодрило, но теперь их снова мучили жажда и нестерпимый голод.

– Сейчас, по меньшей мере, мы ждём не смерти, а нашего доброго друга Полботинка, – сказал Муфта.

Полботинка возвратился, и на сердце у Муфты стало легко и радостно.

Не только потому, что у них, наконец, появилась твёрдая надежда избежать смерти. Полботинка их не бросил: им не пришлось разочароваться в Полботинке. А если Полботинка и считал его, Муфту, опасным типом и волчьим приёмом, то что поделаешь. Он с радостью простит это Полботинку. Всё-таки он вернулся, а это самое важное.

– Когда нечем заняться, ожидание может свести с ума, – снова заговорил Моховая Борода. – Если ждать и ничего не делать, то время тянется очень медленно.

– Это правда, – согласился Муфта. – Однако чем бы нам заняться?

Он огляделся вокруг. За время их бедствия здесь многие вещи оказались сдвинутыми со своих мест. Может, приняться за уборку? Нет, пожалуй, с этим не стоит торопиться. Ведь ещё совершенно неизвестно, что станет с машиной. Но... Он сам? Но он и сам-то, так сказать, выглядит довольно неприлично. Муфта изорвана в клочья и к тому же во многих местах прогорела до дыр. В такой муфте ни один уважающий себя шофёр не сядет за руль, потому что это было бы почти нарушением правил движения. И в такой муфте ни одному порядочному накситраллю не подобает находиться в обществе своих любимых друзей.

Не теряя времени, Муфта и Моховая Борода вооружились иголками и принялись старательно чинить муфту – Муфта спереди, Моховая Борода – сзади. И чем лучше спорилась работа, тем дальше отходили печальные мысли и тревога.

В конце концов Муфта приобрёл вполне приличный вид. Только над самым пупком в муфте оставалась ещё большая дыра, через которую просвечивала кожа.

– Ну и дела, – огорчился Муфта. – Теперь, когда я опять, как подобает, в своём мундире, эта дыра производит особенно неблагоприятное впечатление. Честное слово, это выглядит так, будто я нарочно выставляю свой пуп!

Но Моховая Борода одобряюще улыбнулся.

– Ничего, – сказал он и вытащил из кармана клоч муфты, найденный Воротником неподалёку от волчьего логова.

– Сейчас пришьём на место!

На этот раз не пришлось пришить заплатку.

Что за грохот?

Муфта и Моховая Борода прислушались. Грохот повторился, и они оба со всех ног бросились к задней двери фургона.

Полботинка! Уже вернулся! Действительно, починка Муфтиной муфты помогла им скоротать время!

Ну, конечно! Это грохотало сверло, которое Полботинка вставил в замочную скважину и теперь старательно крутил. И вот дверь отворилась.

Спасение! Свобода!

– Ура! – закричал Моховая Борода, выскакивая из машины.

Муфта, не теряя времени, последовал за ним. А Воротник обогнал их обоих и первым успел поприветствовать Полботинка.

Сияющий от радости, но в то же время немного смущённый, Полботинка положил сверло и поднял с земли кулёк с морошкой.

– Пожалуйста, – сказал он, протягивая ягоды Муфте и Моховой Бороде. – Приятного аппетита! Это, наверное, морошка, если я не ошибаюсь.

Моховая Борода и Муфта набросились на ягоды. До чего же сладкие и сочные! Утоляют и голод и жажду одновременно! О, чудесная морошка!

– Правда, они выросли не в бороде, – улыбнулся Полботинка. – Но всё-таки в них что-то есть.

Кулёк был уже пуст, и Моховая Борода сказал:

– Жить стоит хотя бы из-за таких ягод. Я думаю, мне следует искусственно орошать свою бороду, тогда, возможно, и в ней вырастет морошка.

– Прекрасная мысль, – сказал Муфта и вытер рот тыльной стороной ладони. – Где ты раздобыл такие ягоды, Полботинка?

Полботинку стало неловко. Он понял: что-то очень важное ещё не выяснено. Это Муфтина история. И то, как он обвинил Муфту и решил уйти один. Надо было объясниться. Но как ты объяснишь такой позорный поступок?

– Морошка-то... – Полботинка старался говорить бодрым голосом. – Это я... нашёл в болоте, где ж ещё? Морошка растёт главным образом в сырых местах, это, как говорится, старая истина. Не так ли, Моховая Борода?

Моховая Борода не ответил. Теперь смущение охватило и его. Выходит, Полботинка забрёл в болото. Что ж тут удивительного, заблудился. Заблуждения, как говорится, свойственны человеку, А вдруг Полботинка вернулся к ним только потому, что не сумел перейти через болото? Неужели только потому?

– Я её для вас собрал, – пробормотал Полботинка. – Но сначала сам немножко поел.

Муфте стало стыдно. Словно читая мысли своих спутников, он вспомнил всё, что ему рассказал Моховая Борода о поведении Полботинка. Но теперь-то Полботинка был с ними. Он спас им жизнь. Кто старое помянет, тому глаз вон!

– В морошке мне больше всего нравится её вкус, – сказал Муфта, просто чтобы что-то сказать.

– Да-да, – поспешно подтвердил Полботинка. – Вкус, действительно, неплохой.

Моховая Борода по-прежнему молчал.

«Кто знает, может, они так и будут говорить о морошке», – подумал он.

– Я считаю, что в лесу могло быть куда больше морошки, – продолжал Полботинка. – И не только потому, что она приятно разнообразит стол. Благодаря своему прелестному жёлтому цвету она является, в известной степени, украшением заболоченной местности. К тому же...

– К тому же ты, кажется, решил, что Муфта волчий приёмыш! – резко прервал Моховая Борода болтовню Полботинка. Теперь это было высказано.

– Так-то оно так, – пробормотал Полботинка и тут же обратился к Муфте: – А это соответствует действительности? Краеведы предполагали, что ты вырос среди волков.

Щёки Муфты вспыхнули.

И тогда Моховая Борода ответил за Муфту:

– Это предположение полностью опровергается фотодокументами.

– Ах, вон как... – сказал Полботинка и удивлённо поднял брови. – Жаль...

На это и Моховая Борода не сумел ничего ответить.

Голос моря.

Муфта и Моховая Борода сходили к ручью напиться и возвратились с пригоршней орехов. Морошка, правда, утолила первый голод, но и хорошие упругие ядрышки ореха были очень кстати, потому что после вынужденного поста просто необходимо подкрепить свои силы.

Несмотря на счастливое избавление, настроение у накситраллей было неважное.

После упрёков Моховой Бороды Полботинка стал грустным и молчаливым.

В отношениях появилась какая-то странная скованность, и никому из них не удавалось её преодолеть. Не улучшало настроение и то обстоятельство, что фургон намертво застрял между деревьями. Они уже несколько раз пытались общими усилиями сдвинуть его с места, но совершенно безрезультатно.

— Если мы не вызволим машину, нам, пожалуй, придётся жить в лесу, — сказал Моховая Борода.

В глубине души он находил, что это не так уж плохо. Жили бы они тут просто и естественно, в полном соответствии с законами природы. А фургон был бы как маленький домик. К тому же теперь самое подходящее время начинать лесную жизнь: орехи созрели, лес полон ягод и грибов. А весной можно было бы посадить и кое-какие овощи...

Но Муфта не хотел и слышать о том, чтобы остаться в лесу.

— Лучше всё-таки двинемся, — сказал он. — Двигаться — значит идти вперёд. И к тому же в зимний мороз нам будет в лесу холодно.

— Дрова, конечно, надо заготавливать вовремя, — попытался Моховая Борода отстоять свою точку зрения. — В лесу дров предостаточно.

Эти слова навели Муфту на счастливую мысль.

— Ну, разумеется! — просиял Муфта и указал на деревья, зажимавшие

машину, как в тисках. – Вы только посмотрите, как эти деревья жаждут пилы! Вот это, что потоньше и посуше, мы спилим без всякого труда.

До чего простая мысль – спилить одно из деревьев. Просто удивительно, почему они до сих пор не могли додуматься до такого решения.

Теперь больше не мешкали. Муфта вскочил в машину и вынес из неё добротную двуручную пилу. И закипела работа.

Сначала пилили Муфта с Моховой Бородой, потом Муфта с Полботинком, потом Полботинка с Моховой Бородой, а потом опять Моховая Борода с Муфтой. И когда Полботинка подошёл, чтобы вторично сменить Муфту, оказалось, что пилить больше нечего: высохшее дерево стало с треском валиться набок и со всего размаха упало на землю. Только кривой пенёк остался на том месте, где оно только что росло.

Моховая Борода взглядом знатока оглядел пенёк и грустно пробормотал:

– Топлива хватило бы на всю зиму.

Однако он уже и сам понимал, что остаться в лесу на этот раз не удастся.

Подход к передней дверце машины был свободен, и Муфта озабоченно осмотрел ручку. Откроется ли?

Дверь открылась.

– Фургон, безусловно, нуждается в ремонте, – сказал Муфта и сел за руль. – Но до моря как-нибудь дотащимся, да и далеко ли отсюда море?..

Моховая Борода залез вслед за Муфтой в машину.

– Поехали, что ли? – спросил он и сразу почувствовал, как понемногу его охватывает страсть к путешествию.

– Разумеется, – ответил Муфта.

И Воротник, казалось, тоже понял, что начинается совместное путешествие, и радостно вскочил в машину.

– А ты чего ждёшь? – Муфта удивлённо взглянул на Полботинка.

Полботинка стоял в нескольких шагах от машины. Он стоял неподвижно на одном месте. И лицо у него было неподвижное, такое, что на нём ничего нельзя было прочитать. Крепко сжав зубы, он стоял на месте и тупо смотрел на машину.

– Ну послушай! – крикнул Моховая Борода. – Море зовёт нас, прыгай в машину!

Полботинка не ответил. Он продолжал стоять молча и неподвижно.

Что бы это значило? Ведь Полботинка всё время так стремился к морю. То и дело рассуждал о том, как он зароется в морской песок. А

теперь... Что это с ним? Словно задремал стоя...

– Тебе плохо? – спросил Муфта. Полботинка кивнул.

– У меня душа болит, – сказал он.

– Душа? – удивился Моховая Борода. А Полботинка продолжал:

– Я не достоин вашей дружбы, теперь я окончательно это понял. То, что я хотел вас покинуть, было просто ужасно. Поезжайте, друзья. Пусть одиночество будет мне наказанием!

Муфта и Моховая Борода были потрясены.

– Нет такого проступка, за который можно наказывать одиночеством, – сказал Муфта. – Это берусь утверждать смело, я знаю, что такое одиночество.

– Ты спас нам жизнь, Полботинка, – добавил Моховая Борода, и по его голосу было слышно, что он растроган. – И не для того же, чтобы теперь нас так бессердечно покинуть?

Лицо Полботинка дрогнуло. Он сдерживал слезы.

– К сожалению, я не подхожу вам, – еле слышно пробормотал он. – Моя вина слишком тяжела, но всё-таки вы не поминайте меня лихом...

– Полботинка, – закричал Муфта, – не говори глупостей! Это я во всём виноват!

– Ты? – поднял голову Полботинка.

– Конечно, я! – продолжал Муфта. – Это же совершенно естественно, что ты счёл меня за волчьего приёмыша. Ты только посмотри, какой я мохнатый. Мохнатый и некрасивый.

– Ну-ну, – пробормотал Моховая Борода. – А мы-то с Полботинком разве писанные красавцы?

Дело принимало совсем нелепый оборот – теперь они оба взахлёб обвиняли каждый себя.

Полботинка робко подошёл к машине.

– Дорогой Муфта, – сказал он, – по мне, так ты мог бы быть чьим угодно приёмышем. Ты благородный и великодушный накситраль, и тем тяжелее мне смотреть тебе в глаза.

– Входи, – сказал Муфта прерывающимся голосом. – Я очень тебя прошу.

И тут наконец Полботинка залез в машину.

Муфта включил мотор и выехал на лесную тропинку. Накситралли молчали.

Каждый думал о своём. Фургон медленно покатился по тропинке, постепенно увеличивая скорость. Мотор, похоже, был в полном порядке.

– Если всё пойдёт благополучно, возможно, к вечеру мы будем у

моря, – предположил Муфта.

– Только по дороге надо было бы заскочить в магазин, – сказал Моховая Борода. – Воротник, несомненно, очень голоден, ведь он, бедняжка, не получил ни ягод, ни орехов.

– Верно, – добавил Полботинка. – И в том же магазине можно будет запастись и лимонадом.

Так они беседовали, но каждый из них чувствовал, что скованность их отношений всё ещё не прошла. Слова звучали как-то фальшиво и вымученно. Неужели это навсегда?

Прошло часа два или немного больше, и вдруг Муфта насторожился.

– Люди на дороге, – сказал он и сбавил скорость. Моховая Борода и Полботинка тоже уставились в переднее окно машины. Два человека. Два человека, сильно нагруженных туристским снаряжением.

– Послушайте! – воскликнул Полботинка. – Это же краеведы!

В самом деле – бородатый и лысый! Уложили своё имущество и, как видно, собрались уходить из леса.

Муфта нажал на тормоз, чтобы обсудить обстановку. Но краеведы уже заметили машину и стали махать руками.

– Просят подвезти, – предположил Моховая Борода. Муфта нахмурился. У него не было особого желания встречаться с краеведами, но ничего не поделаешь, надо было ехать дальше. Он дал газу. Так, значит...

Фургон приблизился к краеведам. Остановиться? Нет. Муфта лишь указал пальцем назад, давая понять, что в машине нет места. При этом он посмотрел сквозь ветровое стекло прямо в глаза краеведам. Ну, конечно, узнали! С каким видом они уставились на Муфту! Разумеется, они и представить себе не могли, что увидят за рулём автомобиля так называемого волчьего приёмыша! Изумление придавало лицам краеведов до того смешное и глупое выражение, что Муфта расхохотался.

– Ну, теперь-то, пожалуй, они больше не считают тебя волчьим приёмышем! – сказал Моховая Борода.

Он тоже не выдержал и засмеялся. Это был заразительный смех. Вскоре смеялся и Полботинка. И вдруг все они почувствовали, что царившая между ними натянутость без следа исчезла.

Краеведы остались позади. Путешествие продолжалось.

Лес начал постепенно редеть. Наконец-то! Где именно кончался лес и где начиналось ровное поле, точно определить было трудно. Во всяком случае, они в конце концов выехали из леса. Вдали виднелось шоссе.

Муфта остановил машину, чтобы они, прежде чем показаться людям, привели себя в порядок. Но едва умолкло гудение мотора, как Моховая

Борода сказал:

– Прислушайтесь!

Они внимательно прислушались. Муфта, чтобы лучше слышать, даже приоткрыл автомобильную дверцу.

Станный, отдалённый рокот...

И Полботинка произнёс дрожащим от волнения голосом:

– Море шумит...

Никто не сказал больше ни слова. Затаив дыхание они все трое взволнованно прислушивались к таинственному голосу моря.

